

Виз Аскерова

БЕС

СТОЙ СМІРНО, ДЕВОЧКА!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вия Аскерова

Бес. Стой смирно, девочка

«Автор»

2026

Аскерова В.

Бес. Стой смирно, девочка / В. Аскерова — «Автор», 2026

— Хорошо бегаешь, ёжик. Но не туда. — Отпустите, пожалуйста. Я не хочу быть вашей вещью. — Ты — вещь, но только моя. Ещё раз попытаешься уйти от меня — найду. Верну. И буду наказывать тебя до тех пор, пока не поймёшь, что твоё место — рядом со мной. — Пожалуйста, отпустите. — Нет. Я же сказал: больше не отпущу. — Вы такой же, как он. — У тебя будет возможность сравнить. Со временем. Я должна бояться. Я должна бежать. Но когда он рядом, я не хочу ничего, кроме его рук, его голоса, его власти надо мной. Она — живой долг брата. Её тело — цена его жизни. Она пыталась бежать. Но от Захара Вавилова, местного «хозяина», сбежать невозможно. Теперь она — живая посуда для бандитского ужина. Выхода нет. Кроме одного — того, который приведёт её в руки человека, которого боится даже Захар. Он — криминальный авторитет, который не должен был выжить, человек, перед которым на колени ставят даже хозяев. Он думал, что забирает её, как трофей, но сам уже попал в ловушку. Ведь даже бесов можно укротить.

© Аскерова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вия Аскерова

Бес. Стой смирно, девочка

Глава

Аннотация

— Хорошо бегаешь, ёжик. Но не туда.

Разочарованный стон вырывается из груди. Он поймал меня. Ровное мужское дыхание обжигает моё лицо.

— Отпустите, пожалуйста, — шепчу, задыхаясь от страха и холода. — Я не хочу быть вашей вещью.

— А кто сказал, что ты будешь вещью? Впрочем, да. Ты — вещь, но только моя. Ещё раз попытаешься уйти от меня — найду. Верну. И буду наказывать тебя до тех пор, пока не поймёшь, что твоё место — рядом со мной. Тебе не понравится этот процесс, ёжик.

— Пожалуйста, — мой голос срывается на кашель, — отпустите.

— Нет, — Бес наклоняется ближе, и я чувствую его горький древесный запах, — Я же сказал тебе: больше не отпущу.

— Вы такой же, как он, — цежу сквозь зубы.

Бес убирает волосы с моего лица.

— У тебя будет возможность сравнить, — он наклоняется ещё ближе, почти касается моей щеки губами. — Со временем.

Я должна бояться. Я должна бежать. Ещё раз. Но когда он рядом, я не хочу ничего, кроме его рук, его голоса, его власти надо мной.

Она — живой долг брата. Её тело — цена его жизни. Она пыталась бежать. Но сбежать из города, где почти каждый работает на Захара Вавилова, местного «хозяина», невозможно. Теперь она — живая посуда для бандитского ужина. Выхода нет. Кроме одного — того, который приведёт её в руки человека, которого боится даже Захар.

Он — криминальный авторитет, который не должен был выжить, человек, перед которым на колени ставят даже хозяев. Он думал, что забирает её, как трофей, не догадываясь, что сам уже попал в ловушку.

Ведь даже бесов можно укротить.

Вот только кто кому подчиниться первым?

История не является лайтовой! Пожалуйста, рассчитывайте свои силы и берегите себя.

Дисклеймер автора

В произведении присутствуют сцены эротического характера, включая описания интимной близости; ненормативная лексика и нецензурная брань; триггерные темы для некоторых читателей (описание токсичных отношений, манипуляций, доминирования и принуждения, деструктивных моделей поведения, психологических травм, в том числе сцен совершения преступлений); элементы моральной неоднозначности и морального выбора на грани; сцены противоправного поведения, жестокости и насилия, сцены распития спиртных напитков и курения.

Автор не считает допустимым и однозначно осуждает подобное поведение, не романтизирует, не пропагандирует его, а использует как художественный приём, который служит исключительно художественным целям:

- раскрытию сюжета, характеров персонажей, их отношений и внутренних конфликтов, демонстрации последствий;
- исследованию поведения, взаимоотношений, эмоций и чувств персонажей произведения;
- созданию атмосферы произведения и языковой характеристики персонажей;
- отображению развития персонажей и осмыслению их поступков;
- демонстрации разрушительных для личности последствий противоправного поведения и деструктивных отношений;
- утверждению через контрастную демонстрацию традиционных семейных и общечеловеческих ценностей, в том числе нравственности, соблюдения закона, уважения личных границ личности и отношений, основанных не на силе и манипуляции, а на свободном согласии и уважении.

Произведение является художественным вымыслом, носит развлекательный характер. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Все сцены в произведении являются художественными приёмами, не романтизируются и не пропагандируются.

Никакая часть произведения не является инструкцией, руководством, призывом к действию.

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Курение табака или употребление никотиносодержащей продукции вредит вашему здоровью.

Приступая к чтению, читатель подтверждает, что достиг совершеннолетия и осознаёт специфику произведения.

Пролог

Аня

Я лежу на стеклянном столе. Полностью обнажённая. Ноябрьский ливень монотонно колотит по стеклу, будто пытается пробиться внутрь.

На моей груди — горячее мясо. На животе — соус, липкий и жирный, он растекается по бокам. Чьи-то пальцы привычно раскладывают маринованные овощи вдоль внутренней стороны бедра. Слишком близко. Слишком интимно.

— Не шевелиться. Не издавать звуков. Не закрывать глаза. Не реагировать на слова и прикосновения. У вас нет имени. Нет прав. Вы — посуда, живой стол. Не более, — голос женщины ледяной и ровный, как лезвие ножа.

Я смотрю в потолок и считаю рейки. Пятьдесят семь.

Закрываю глаза и думаю о нем. О том, кого видела один раз. Кто прижал меня к стене и хрипло бросил: «Не попадайся мне больше».

Я попалась.

Только не ему.

Глупо. Безумно. Но в этой чудовищной реальности, когда чужие руки скользят по моему телу, я представляю, что это его пальцы, тёплые и уверенные. Что это он сейчас уберёт всю эту дрянь с моей кожи. Что это он придёт и вытащит меня из этого кошмара.

Бес

Я увидел её впервые вчера утром.

Худющая, бледная, с огромными глазами и синяками под ними. Не спала, наверное. Или плакала. Но все равно была красива. Очень. Впрочем, таких много. Вот только я не мог отвести от неё взгляд. Тело напряглось, как перед дракой. Или перед чем-то другим.

Чёрт.

Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами. И в них не было того привычного страха, который я видел сотни раз. Не было подобострастия, желания угодить, спрятаться, извиниться. Да, она шептала мне: «Простите». Но в её голосе не было сожаления, а взгляд горел решимостью, злостью, готовностью бороться до конца. И это не было связано со мной.

Её голос дрожал, но она не отворачивалась, не ломалась.

«Ёжик», — подумал я тогда.

Маленький колючий ёжик, который свернулся в клубок, но иголки торчат во все стороны. Погладить его нельзя — уколешься. А если наступить, то взвизгнет и убежит. Не догонишь. Хочется развернуть и добраться до мягкого животика, но чтобы сама позволила.

Я присмотрелся внимательнее. Молодая. Слишком юная, слишком неопытная для такого, как я. Она напряглась под моим взглядом. Не знала, чего от меня ждать. Правильно. Не должна была.

Но лицо... в нем было что-то, что цепляло. Не только красота. Что-то другое. Стержень. Она не сдавалась. Даже когда стояла на четвереньках.

С удовольствием наблюдал, как девчонка боролась с собой, как любопытство и желание спорили с гордостью. Победила гордость. Попытки девушки поцарапать и ударить меня были смешными и бесполезными. А ненависть в её глазах заводила похлеще самого крепкого алкоголя. Будоражила до боли в паху. Я держал её и не хотел отпускать.

И это вызывало ярость, интриговало, заставляло хотеть ещё сильнее. Я почти не мог контролировать себя. Отпустил. Не захотел пачкать её собой. И тушить огонь в её глазах тоже не захотел. Девчонке, наверное, лет двадцать, а мне — тридцать пять. Я таких не трогаю. Не порчу своей грязью.

— Не попадайся мне больше на глаза. В следующий раз не отпущу, — бросил ей и пошёл в ванную.

Стоял в душе под ледяной водой и матерился сквозь зубы.

Тогда.

А теперь эта девушка кажется мне единственным, что имеет значение в этом грёбаном городе. Я не должен думать о ней. Но я думаю.

Почему? А хрен его знает. Застряла под рёбрами. Там, где уже пусто много лет. Последний раз там что-то шевельнулось, когда мне было двадцать пять. Потом я научился не чувствовать. Но это мелкая пигалица в форме горничной выдернула мертвеца из гроба. И теперь меня трясёт. Хочу разнести в щепки невинность в её глазах. Что со мной, мать его, не так?

Бесит!

Бесит больше, чем Захар с его крысятничеством и бунтом.

Я закрываю глаза и снова вижу её: растрёпанные вьющиеся волосы, до крови искусанные губы, затравленный, но не сдающийся взгляд. И этот бейджик на груди, который только притягивал внимание.

Аня.

Чёрт возьми, я не запоминаю имена. Вообще никогда. Для меня существуют «он», «она», «они». Но имя девчонки врезалось в память.

Сегодня заберу её. Себе. Как трофей. Как напоминание: всё, что принадлежит Захару, на самом деле принадлежит мне. И если я захочу взять его новую игрушку, я это сделаю.

Просто потому, что могу.

Потому что хочу.

Потому что девчонка нарушила правило — попалась мне на глаза.

Теперь — она моя. И скоро узнает об этом.

Глава 1

За несколько дней до событий пролога

Аня

Всё произошло быстро. Ещё минуту назад я переворачивала картошку на сковороде, а теперь стою посреди кухни, сжимая в руках принесённые братом платье и бельё. Полупрозрачные, почти неприличные, которые одновременно царапают и обжигают мои пальцы.

— Ты сдурел? — мой крик, наверное, слышат все соседи. Но мне плевать.

Антон не двигается.

— Ты понимаешь, что сделал? Ты меня продал! — отталкиваю его с такой силой, что брат ударяется спиной о холодильник.

— Ань, не тупи, — он поднимает руки перед собой ладонями вперёд. — Это шанс. Захар тебя не обидит. Это же просто секс, сестрёнка. Тебе пора уже начинать.

Захар. Разум цепляется за это имя. Сердце пропускает удар. Потом ещё один. Вавилов. Тот, чьё имя в этом городе произносят шёпотом, когда думают, что никто не слышит. Нет, только не это. Хозяин города.

— С тебя не убудет, Анют. Даже понравится. Нам нужны деньги. Ты же знаешь.

Я закрываю уши ладонями и трясую головой. Нет. Нет. Нет. Мой брат не может так поступить со мной.

— Так заработай, если они тебе нужны! — кричу ему. Слёзы уже текут, я их не вытираю. — Тебе двадцать два года, а ты никогда и нигде не работал! Сейчас на мою зарплату живём!

— Аня, ты не понимаешь! — он кричит в ответ, и в его голосе появляется страх. — Я Захару бабло должен. Он прощает долг, если ты... Если ты ляжешь под него. Ещё и сверху денег дал и ещё даст. Тебе же поступать надо, деньги нужны.

Я замираю. Его слова острыми кинжалами вонзаются в мозг, заставляя окончательно осознать, что брат продал меня. Вернее, моё тело.

— Я никуда не пойду, — произношу холодно, вытирая мокрые щёки. — У меня проблем нет. Я ни во что не ввязывалась. Свои проблемы решай сам, но не за мой счёт. Я тебе не вещь.

— Анют, нас грохнут...

— Это тебя грохнут, — перебиваю брата. — Как ты мог? Он же...

— Да. Захар не прощает долги. В прошлом месяце его люди бросили под поезд парня, который должен был в десять раз меньше, — Антон смотрит на меня в упор.

Мои ноги немеют. Я знаю этот взгляд. Это взгляд человека, который уже всё решил.

— Надо идти в полицию, Антон!

— Не будь наивной душой, — брат делает шаг ко мне, и я отступаю к плите. — Если бы он не захотел тебя, я бы даже не дошёл до дома.

— А как он вообще про меня узнал? — шепчу, словно мы не одни в квартире. — Где он мог меня видеть?

— Я уже сказал тебе. В казино проиграл. Захар — его хозяин. Меня прессовать начали, а тут ты позвонила, — он достаёт телефон, показывает экран. Там моя фотка. — Вот, увидел. И сказал: «Хороша. Хочу, чтобы подо мной была». Я пытался отказаться, а он приставил пистолет к моему виску. Понимаешь?

Я не понимаю. Не хочу понимать.

— Я сказал ему, что ты домашняя, стеснительная, невинная ещё, — Антон продолжает, и каждое его слово врезается в меня камнем, оставляя синяки на душе. — Он обещал аккуратным быть. Ты в этом платье и белье должна завтра к нему прийти. В ресторан «Ривьера» к пятнадцати ноль-ноль. И побрейся там везде. Захар сказал, что гладких любит.

Антон сжимает челюсть и отворачивается. Швыряю платье и бельё, которые все ещё держу в руках, ему в лицо. Ткань разворачивается в воздухе, на секунду закрывает брата, и я вижу, как он вздрагивает.

— Я не пойду. Сам разбирайся. А завтра мне на работу надо. Я две смены взяла. Буду до шести утра дежурить. Выкручивайся сам.

Пытаюсь пройти мимо него к выходу из кухни. Мне нужно в свою комнату. Закрыться. Спрятаться. Не видеть его лицо. Знать его больше не хочу. И больше ни копейки ему не дам. Пусть живёт, как хочет. А мне нужно о себе думать. На репетитора копить нужно.

Антон хватает меня за руку. Его пальцы жёстко смыкаются на запястье, оставляя бурые следы.

— Ты никуда не пойдёшь. Тебе больше не нужна работа. Вернее, теперь твоя работа — Захар.

— Пусти.

— Аня, ты не понимаешь, — он тащит меня в коридор, я упираюсь, но он сильнее. — Он убьёт нас!

— Пусти, я сказала!

Я кричу, бью его свободной рукой по плечу, по груди, но он не отпускает. Тащит в мою комнату, распахивает дверь, вталкивает внутрь. Я лечу вперёд, больно ударяюсь животом о стул и падаю на пол.

— Сиди здесь.

— Антон, не смей!

Я вскакиваю, бросаюсь к двери, но брат уже захлопывает её. Я слышу щелчок. Он поворачивает барашку на двери и закрывает её. С той стороны. Снаружи. Блин! Дверь открывается только снаружи. Никогда не думала, что эта особенность сыграет со мной такую злую шутку.

— Открой! — ору и колочу ладонями по дереву. — Антон, открой сейчас же!

Он молчит. Я слышу за дверью его тяжёлое и частое дыхание.

— Прости, сестрёнка, — его голос глухой и растерянный одновременно. — Так будет лучше.

— Ты не имеешь права. Выпусти меня.

— Завтра выпущу, примешь душ, приведёшь себя в порядок, и поедем к Захару.

— Антон, пожалуйста, не поступай так со мной.

— Ты мне спасибо ещё скажешь. Я же хочу как лучше. Ань, ты слышишь меня? Завтра Захар заберёт тебя. Ты видела его баб? Они же в золоте ходят. Понимаешь? А главное — тебя никто пальцем не тронет. Не посмеют.

Я слышу, как он уходит. А через минуту уши начинают болеть от громкой музыки, раздающейся из комнаты брата.

Стою у запёртой двери, стуча по ней уже без сил. Потом сползаю по косяку на пол. Всхлипываю, закусываю губы, чтобы не завывать. Но рыдания всё равно вырываются из груди, и я не могу их остановить.

Что же мне теперь делать?

Глава 2

Аня

Сию на полу у запертой двери и сжимаю виски ладонями. Музыка за стеной грохочет так, что вибрируют стены.

Как он мог?

Он же всегда заботился обо мне, поддерживал, защищал. Раньше мы были заодно. Я помню, как он учил меня плавать, как тайком подкладывал шоколадку под подушку, как рвал для меня черешню у соседа в деревне и потом был наказан за это. Я была уверена в том, что Антон понимает меня, любит, жалеет. Что вдвоём против всего мира легче, что я нужна ему.

Всё изменилось после ухода родителей. Брат стал приходить домой поздно или совсем не приходил. Я уже привыкла ужинать одна, но каждый раз, открывая дверь, всё равно ждала, что он дома. Теперь мы часто ругаемся. Без причины. Оказалось, мир не так страшен, как тот, кто живёт с тобой под одной крышей.

Прокручиваю в голове этот вечер снова и снова, будто надеясь, что концовка изменится. Закрываю глаза, прислоняюсь головой к двери и позволяю воспоминаниям ожить.

Я как раз почти закончила готовить ужин, когда входная дверь с грохотом распахнулась. Так открывает только Антон — с размаху, будто дверь ему лично должна. В коридоре раздался шум, шуршание пакетов, тяжёлые шаги. Я не обернулась, но спина напряглась сама собой. Пальцы сжали лопатку сильнее, чем нужно.

— О, картоха! — голос Антона звучал слишком весело. — Я запах ещё в подъезде учуял.

Он ввалился на кухню с пакетами. В одном я увидела коробку с тортом, бутылку дорогого спиртного, что-то в вакуумной упаковке. В другом — одежда. Дорогая, судя по пакету.

— А я с гостинцами, — брат чмокнул меня в щёку.

Я скользнула взглядом по нему. Новые джинсы. Новый кашемировый свитер. Новая кожаная куртка. Антон выглядел так, будто сошёл с рекламного щита. Это испугало меня сильнее, чем если бы он пришёл пьяный и в крови. Поведение и одежда брата предвещали только одно — беду.

— Ты куда снова влип? — мой голос прозвучал глухо, словно из-под земли.

Антон ухмыльнулся и поставил пакеты на стол.

— Не бузи, сестрёнка. Мне зарплату выдали.

Он достал из кармана куртки пачку денег. Толстую. Перетянутую резинкой. Положил на стол рядом с плитой.

— Видала? И это не всё. Ещё будут.

Я не спросила, откуда он взял деньги. Побоялась услышать ответ. Да и зачем что-то выяснять? Всё и так понятно. В нашей стране зарплату валютой не выдают.

Антон энергично выкладывал из пакета продукты: сыр с плесенью в красивой коробке, оливки в банке, мраморную говядину, фрукты, какую-то рыбу, икру...

Я крепко зажмурилась, пытаюсь взять себя в руки. Моих трёх зарплат не хватило бы, чтобы это всё оплатить. А ещё нужно платить за квартиру, за еду, за очередные хотелки брата. Репетитора я снова не смогу себе позволить.

— Антон...

— А это тебе, — он протянул мне пакет с одеждой. — Примерь.

Я на автомате взяла пакет, не думая о его содержимом. Вытащила мягкую, струящуюся между пальцами ткань. И замерла. С широко распахнутыми глазами и абсолютной невозможностью пошевелиться.

Платье. Алое. Блестящее. Полупрозрачное. Почти ничего не скрывающее, только более плотные вставки материала прикрывали самое необходимое. Второй рукой я достала чёрное кружевное бельё. Тонкое и невесомое.

— Ты с ума сошёл? — мой голос сорвался на крик. — Я не ношу такое!

— Ты померь. Анюта, тебе девятнадцать лет, а ходишь как бабка старая. Ты же красивая девка. Надо принарядиться.

— Кому надо, Антон?— я впиалась в него взглядом, пытаюсь понять, о чем он думает.

Я всегда чувствовала, когда брат недоговаривал. Знала, когда врёт. В такие моменты он отводил глаза и переминался с ноги на ногу.

— Ань, тут такое дело... — брат пожал плечами и сунул руки в карманы джинсов.

Картошка начала пригорать. Я выключила газ, отодвинула сковороду, повернулась и внимательно уставилась на Антона.

— Понимаешь... Я проигрался.

Тишина рассыпалась вокруг нас осколками битого стекла. Я смотрела на брата. Он смотрел в сторону и переступал с ноги на ногу.

— В казино. В покер, — слова вылетели быстро, будто он боялся, что я перебею. — Мне везло по-страшному. Я почти миллион выиграл. А потом всё проиграл. И сверху ещё миллион. Сердцу в груди стало тесно.

— Сколько? — переспросила, надеясь, что ослышалась.

Брат не ответил. Только уставился в пол.

— Антон, ты дурачок? Что нам теперь делать? Квартиру продавать? А где мы жить будем?

Я всхлипнула. Руки начали дрожать, я сжала их в кулаки, чтобы брат не заметил.

— Не надо ничего продавать! — он почти выкрикнул, и в его голосе появилась та самая нервозность, которую я ненавижу. — Там другой вариант.

Антон снова переступил с ноги на ногу. Посмотрел вниз, потом на меня, потом снова вниз.

— В общем... К тебе один человек присмотрелся. Надо, чтобы ты к нему в гости пошла.

Он подошёл ближе, обнял за плечи, погладил по спине. От него пахло дорогим парфюмом. Я не понимала смысла его слов. Или не хотела понимать.

— Зачем? — спросила тихо.

— Ну, поужинаете, поговорите, — голос брата стал ласковым, вкрадчивым, как в детстве, когда он сбегал по ночам и просил меня прикрыть его перед родителями. — Понимаешь? Анют, он заплатит. Хорошо заплатит. Нам же на жизнь надо. Сколько можно уже выживать? А? Сестрёнка...

Как же у него все просто, когда платят другие.

Не знаю, сколько времени уже прошло. Может час, может два, может больше.

Я всё ещё сижу на полу, поджав колени к груди и прислонившись спиной к косяку. Вскидываю голову и прожигаю глазами дверь. Жаль, что на самом деле не могу сжечь это поганое дерево.

Басы вибрируют, отдаются в голову, в позвоночник, в зубы. Стены дрожат, пол дрожит подо мной. Соседи стучат по батареям. Раз, два, три, четыре, пять. Потом снова.

Мысли вертятся по кругу. Что мне делать?

Звать соседей бесполезно — не услышат. Да и толку. Эти самые соседи уже приходили. Я слышала, как ругался дядя Вова. А теперь они лишь стучат.

Позвонить в полицию? Не могу. Антона жалко. Он же мой брат. Не верю. Ну не может он в самом деле продать собственную сестру! Хотя уже... Но, может, одумается? Самому же будет плохо. Возможно, к утру перебесится, успокоится и сам будет прощения у меня просить.

Закусываю губу до крови, чтобы не закричать. Нельзя плакать. Нужно думать.

Резко встаю, отбрасываю волосы с лица и вытираю глаза.

Хватит. Больше никаких слёз из-за него.

Я разворачиваюсь к двери и смотрю на замок. Маленький, круглый, без отверстия под ключ, только барашка снаружи. Внутри — гладкая металлическая пластина, никакой сква-

жины. Только снаружи можно открыть. Родители поставили такие, когда мы с братом были маленькими, чтобы закрывать нас в комнатах, если мы не слушались.

Тогда я злилась.

Теперь ненавижу.

Кручу ручку: дёргаю вверх, вниз, на себя, от себя. Бесполезно.

Отхожу на несколько шагов. Разбегаюсь. И прыгаю на дверь плечом.

Глава 3

Аня

Разбегаюсь и прыгаю на дверь плечом. Удар тут же взрывается невыносимой болью в руке, отзывающейся также в шее и спине. Сжав зубы, терплю. Пробую ещё раз. И ещё. И ещё раз сильнее. А дверь даже не скрипит.

Я прислоняюсь лбом к косяку и закрываю глаза. Постепенно моё дыхание успокаивается, но легче не становится. Сердце внутри дрожит, заставляя ощущать неприятную вибрацию во всем теле.

Около недели назад Антон впервые принёс деньги. Не мелочь, а нормальные купюры. Подумала, что он наконец-то нашёл работу. Одумался, успокоился.

— Откуда? — спросила тогда у него.

Антон лишь отмахнулся.

На следующий день он принёс ещё деньги. Я снова спросила. Он сказал: «Не лезь не в своё дело». Потом начал покупать себе вещи. Я смотрела на его обновки и чувствовала, как внутри разрастается холод.

— Антон, раз ты устроился на работу, давай пополам платить за продукты и за квартиру. Мне поступать весной! Я хочу немного собрать на всякий случай.

Он закричал, что я вечно ною, что он устал, что я дура неблагодарная, и вообще бабе не нужно образование. В конце добавил, что бог и так меня щедро одарил, а я не пользуюсь тем, что мне досталось бесплатно.

Смысла его слов я тогда не поняла, да и понимать особо не пыталась. Думала, очередной бред. Антон всегда истерил, когда ему было что скрывать.

Открываю глаза и снова дёргаю ручку. Знаю, что бессмысленно, но все равно пытаюсь открыть дверь. Музыка все ещё грохочет.

— Антон! — кричу, прислушиваясь, — Антон, ты слышишь меня?

Ничего не меняется. Лишь стук соседей по батареям прорывается сквозь гул музыки. Полицию никто не вызывает, видимо, жалеют нас.

— Антон! Я в туалет хочу!

Со всей силы бью кулаками по двери. Что он там делает? Заснул? Или сделал вид, что заснул? Ему плевать на меня. Вот тебе и старший брат, который должен присматривать за мной.

Взгляд мечется по комнате. Она кажется мне ловушкой, из которой не выбраться. Стены давят, воздух становится слишком плотным.

— Думай, Аня, думай, — шепчу себе. — Должен быть выход.

Подбегаю к окну и упираюсь руками в подоконник. За стеклом бродит чёрная осенняя ночь. Ветки старой липы раскачиваются на ветру, ударяясь об оконное стекло, царапают его.

В детстве мы с Антоном часто спускались по этому дереву. Ветки были толстые и надёжные, легко выдерживали детский вес. Мы лазали по ночам, когда родители не видели. Я жутко боялась высоты, но Антон держал меня за руку, показывал, куда ставить ногу.

— Не бойся, — говорил он. — Я тебя не брошу. Ты же моя любимая сестрёнка.

Я верила и ничего не боялась рядом с ним. Ногти впиваются пластик, оставляя глубокие борозды на подоконнике. В груди всё стягивается в маленький упругий узел, не дающий вздохнуть.

Вернуться бы сейчас в детство. Жаль, что в жизни нет функции перемотки.

Открываю окно. Холодный ветер, смешанный с дождём, бьёт в лицо. Острые ледяные капли летят на кожу. Я вдыхаю и чувствую запах мокрой коры, прелых листьев, сырой земли. Четыре этажа внизу. И темнота.

Изучаю ветки. Они мокрые, скользкие, но толстые и находятся очень близко к окну. Мои сорок девять килограмм должны выдержать.

Решаюсь.

Быстро собираю рюкзак. В него летит только самое необходимое — документы, белье и спортивный костюм. А, и зарядка для телефона. Кстати, где мой телефон? Нахожу его под кроватью — вылетел из кармана халата, когда Антон втолкнул меня в комнату. Деньги. Чуть не забыла.

Снимаю со стены бабушкины часы, тяжёлые, с деревянным корпусом и причудливой резьбой. Они всегда висели в этой комнате, сколько я себя помню. Их тиканье было фоном моего детства. Сейчас они просто замерли, будто время для них остановилось. На секунду прижимаю их к груди, затем переворачиваю.

На задней стенке есть крышка. Маленький металлический зажим. Я отгибаю его ногтем, снимаю крышку. Маленький, потёртый по краям, конверт лежит на своём месте. Достаю его, разворачиваю. И в этот момент моё сердце со скоростью света летит вниз, гвоздями вбиваясь в пол.

Я переворачиваю конверт, трясусь, выворачиваю его.

Пусто.

Денег нет. Тех денег, которые я откладывала полтора года. Я копила их, отказывая себе во всём. Их нет.

Антон нашёл, взял, потратил. Мои последние деньги потратил.

Он всегда перебивался случайными заработками — лотереи, казино, сомнительные дела с друзьями. Мама плакала, когда он уходил в очередной раз. Папа молчал, сжимая челюсти так, что желваки ходили ходуном. Я всегда защищала брата. Думала, что он повзрослеет и изменится, найдёт работу.

Прошло почти два года после того, как мы остались одни. Антон не изменился. Он все так же любит быстрые и лёгкие деньги. Вот только попадают они ему нечасто. А когда попадают — он их не удерживает.

Сжимаю конверт в кулаке, рву его. Бумага рассыпается на мелкие клочки, которые оседают на полу.

Я не плачу. Нельзя себя жалеть. Это ничего не изменит, только сделает меня слабой. А я должна быть сильной. Чтобы стать счастливой. Чтобы забыть их всех.

Тяжёлый ледяной ком перекрывает моё дыхание, разрастаясь внутри до невероятных размеров. Пробую вдохнуть. Ещё раз. И ещё. Моргаю часто-часто, запрокинув голову вверх.

Никогда не прощу! Никогда не забуду!

Они все — предатели. И родители, и Антон.

Ненавижу!

Вернувшись к окну, я с силой закрываю его. Мои руки дрожат, но не от холода, и даже не от страха. Обида и злость накрывают с головой.

Антон лишил меня даже шанса на побег.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу и вглядываюсь в ночную тьму. Всего четыре этажа. Свобода совсем рядом. Но без денег я не уеду, потому что не сяду в автобус, не вызову такси, не куплю билет на поезд, не заплачу за еду, не сниму жильё.

— Значит, не сейчас, — говорю своему отражению в стекле.

Резко оборачиваюсь и режу дверь взглядом. Антон думает, что я смирюсь, что утром послушно побреюсь, натяну то дурацкое платье и покорно пойду к Захару.

Пусть думает.

А я слегка поменяю план. И брат меня не остановит.

Глава 4

Аня

Завожу будильник на четыре утра и ложусь на кровать поверх одеяла, не раздеваясь. Моя смена начинается в шесть утра. Доработаю до конца месяца, чтобы получить зарплату с премией, и уволюсь.

Уеду отсюда навсегда.

Закрыв глаза и перевернувшись на живот, пытаюсь спать. Но воспоминания снова незваными гостями лезут в голову.

В тот вечер они собрали две сумки. Я стояла в коридоре и смотрела, как мама складывает вещи. Быстро. Не глядя. Она не плакала. Она вообще не смотрела на меня. Отец позвонил кому-то и коротко бросил в трубку: «Выезжаем».

— Мы вернёмся, как всё уладим, — сказал он нам с братом, подошёл ко мне и поцеловал в макушку.

Я ничего не спрашивала у них, боялась услышать, что они не вернуться. Брат всё время обнимал меня за плечи.

— Мамочка, возьмите нас с собой, пожалуйста, — я рвалась к ней, но Антон держал меня.

Слезы солёным потоком бежали по щекам. Я уже не могла себя контролировать, громко ревела, снова и снова повторяя одно лишь слово: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...» А затем родные руки в последний раз обняли меня и прижали к груди.

— Девочка моя, я не могу. Не могу. Понимаешь? — мама плакала вместе со мной и судорожно прижимала нас с братом к себе, — потерпите мои родные. Антошка присматривай за сестрой. Ты старший. Ты отвечаешь за неё. Анечка, не плачь. Тебе нужно закончить школу, поступить в университет. Ты же мечтаешь стать архитектором. Помнишь, доченька? Всё будет хорошо. Я буду звонить вам.

Папа едва оторвал нас от мамы. А затем они уехали на такси. Я долго смотрела в окно и ждала. Ждала, что они вернуться через пять минут. Через час. На следующий день. Не хотела верить, что не увижу их больше никогда.

Они оставили деньги на два года. Так сказали. Антон потратил их за пару месяцев. Сначала родители звонили несколько раз в месяц с чужих номеров. Мама интересовалась, как мы, всё ли у нас хорошо, обещала, что скоро вернётся. С каждым звонком её голос становился всё более чужим. Потом звонки стали реже. А затем и вовсе прекратились.

Антон считает, что родителей убили из-за папиных долгов. Я не знаю. Мне проще думать, что они просто нас бросили. Так меньше болит.

Кряхтя, переворачиваюсь на спину. Уставившись в потолок, долго не могу уснуть. Позже сон всё-таки приходит, но короткий и беспокойный.

Ровно в четыре я вскакиваю с кровати под резкий звук сработавшего будильника. Спросонья не сразу понимаю, где нахожусь, и поэтому не сразу выключаю будильник. Несколько минут так и сижу на кровати, не шевелясь и прислушиваясь к тишине. Жду Антона. Но, к счастью, он не врывается в мою комнату.

Одеваюсь быстро, не включая свет. Джинсы, свитер, кроссовки, куртка, шапка. Наощупь нахожу рюкзак и надеваю его.

Ну всё. Готова. Глубоко вздохнув, обвожу быстрым взглядом комнату и открываю окно. Осторожно выглядываю. Внизу — темнота и мокрый асфальт. Лишь уличный фонарь пробивает утренний сумрак. Перелезаю через подоконник. Ступни нащупывают ветку. Дерево мокрое, скользкое, хотя дождь прекратился. Тянусь и обхватываю ствол руками. Я не смотрю вниз. Смотрю на ветку, на ствол, на то, куда поставить ногу.

В детстве было легче. Я была легче. И страх был другим, не таким липким, не таким тяжёлым.

Ветка прогибается подо мной. Я сжимаю её крепче, кора впивается в ладони. Одна нога соскальзывает, и я повисаю на руках, но тут же подтягиваюсь и нахожу опору.

Дальше спускаюсь медленно, осторожно. Ветка за веткой. Ладони жжёт, но я не останавливаюсь.

Когда ноги касаются земли, падаю на колени, опираясь ладонями о землю. Сижу так несколько минут, дыхание постепенно выравнивается, а руки коченеют. Встаю, отряхиваясь.

Автобусы ещё не ходят, а на такси у меня нет денег, поэтому нужно идти пешком. До смены час с небольшим. Я успею, если не буду останавливаться.

Выхожу из двора, сворачиваю на улицу, ведущую к центру. Холодно. Ветер дует в лицо, забирается под куртку. Я поднимаю воротник, опускаю голову и иду быстрее. Прохожу мимо детского садика, мимо закрытого магазина, мимо остановки, где никого нет. Стараюсь передвигаться по центральным улицам, не заходя во дворы.

И тут я замечаю чёрный внедорожник.

Он стоит на другой стороне улицы, метрах в ста пятидесяти позади меня.

И его двигатель работает!

Сглатываю и сворачиваю на следующую улицу. Через минуту оглядываюсь. Только не это! Внедорожник свернул за мной. Он едет медленно и держится на расстоянии от меня, но не отстаёт.

Сердце начинает колотиться.

Может, показалось? Может, просто по пути?

Ускоряю шаг почти до бега. Заворачиваю в арку, выныриваю во дворе, проскакиваю через проход между домами. Останавливаюсь, прижимаюсь спиной к холодной кирпичной стене и прислушиваюсь.

Через несколько минут выглядываю из-за угла.

Внедорожник стоит у выхода из арки.

Меня ждёт?

Перед глазами все трясётся. Я срываюсь с места и бегу через дворы, перепрыгиваю через лужи, путаясь в собственных ногах. Сердце участвует в гонке без правил и, кажется, вот-вот слетит с дистанции.

Впереди — подъезд с открытой дверью. Заскакиваю в него, поднимаюсь на третий этаж, сажусь на подоконник и смотрю в окно.

Жду, вглядываясь в темноту.

Машины не видно.

Может, действительно показалось? Нервы дают о себе знать, выплёскиваясь наружу паранойей. Через десять минут выхожу из подъезда. Оглядываюсь — улица пуста. Я иду дальше уже медленнее, но все равно озираюсь через каждые десять шагов.

Никого.

Глупая. Кто-то просто ехал по своим делам. Выйдя к центру города, где уже ездят машины и появляются первые прохожие, я окончательно успокаиваюсь. Через квартал подхожу к гостинице «Альта».

— Успела. Ты молодец, — подбадриваю сама себя.

Визг тормозов звучит неожиданно и дерзко, будто специально кто-то хочет привлечь внимание. Оборачиваюсь и столбенею на месте, ноги намертво прилипают к асфальту, саботируя моё дальнейшее движение. Непроизвольно закрываю рот ладонью, пытаюсь подавить рвущийся наружу крик.

Знакомый чёрный внедорожник останавливается у центрального входа в гостиницу. На самом видном месте. И теперь моргает мне фарами.

Я мотаю головой, сбрасывая тревожные мысли. Мало ли похожих машин в городе? Может, это постоялец. Или партнёр гостиницы. Или кто угодно.

Заставляю себя отвернуться и иду к служебному входу. Каждый шаг даётся тяжело, словно я иду на протезах. Почему он мне моргал?

Догадка противным пауком ползёт по позвоночнику, сжимает затылок и шепчет на ухо: «Он следит за тобой».

Глава 5

Аня

Каждый раз, надевая форму горничной, я едва сдерживаю улыбку. Чёрное платье, белоснежный воротничок и такие же манжеты на коротких рукавах. Всё это напоминает школьную форму и беззаботное детство, когда все близкие были рядом, мир был проще, а проблемы решались где-то за дверью. Но тут взгляд падает на дурацкий белый передник, и волшебный мир ностальгии рассеивается в один миг.

Красные пятна по краям белой ткани возвращают в реальность, а боль в ладонях заставляет поморщиться. Бросаю взгляд на руки — ладони красные, содранные. Кора въелась в кожу, оставив стрёмки и кровавые дорожки.

В служебном туалете подставляю руки под ледяную воду и тру мылом, пока кожа не начинает гореть. Прячу руки в карманы передника, выхожу в коридор и направляюсь к стойке администратора. Я иду быстрым шагом, считая шаги. Пытаюсь не думать о чёрной машине на парковке.

Десять, одиннадцать, двенадцать...

Я не знаю, что будет вечером, не знаю, вернусь ли я домой, не знаю, что сделает Антон, когда обнаружит, что я сбежала из квартиры. Сейчас уверена только в одном: я на работе, и никто не должен догадаться, какой вулкан проблем извергается в моей жизни. Жалость со стороны мне не нужна. Когда уехали родители, я вдоволь наелась сочувствием окружающих. Вот только у многих под маской участия скрывались ехидство и радость. Люди злые и жадные. Они не помогают просто так.

— Здравствуйте, Анечка. Какая неприятная сегодня погода! А мне в дорогу, — наш постоялец, пожилой мужчина с благодушным лицом и многочисленными морщинками вокруг глаз, останавливается около меня с чемоданом.

— Доброе утро, Аркадий Борисович. Съезжаете уже?

Он один из немногих, кто всегда добр и вежлив с персоналом, кто не относится к нам, как к бесправной прислуге, обязанной выполнять любую прихоть гостя.

— Давайте, я вам помогу, — забираю чемодан из его рук и качу к выходу.

— Ну, что вы, деточка! Не нужно!

— Все хорошо, Аркадий Борисович.

У стойки администратора мужчина протягивает мне визитку:

— Если вдруг вам посчастливится оказаться в столице нашей Родины, не обессудьте — навестите старика. Возможно, я вам даже пригожусь. Профессор математических наук — это же вам не шутка, деточка!

Он поднимает палец вверх и смеётся.

— Спасибо, Аркадий Борисович.

Я провожаю мужчину до двери и возвращаюсь. Лиля, моя двоюродная сестра, работает здесь же, администратором. Она и устроила меня сюда. У Лили смена заканчивается, а у меня только начинается.

— Привет, — обращаюсь к ней, останавливаясь у стойки. — Как отработала?

— Нормально, — она не отрывается от монитора ноутбука, что-то печатает. — Четыре номера сдали, остальные заняты.

Киваю, хотя сестра не видит. Лили отдаёт мне ключи от номеров, и я шагаю к лестнице, ведущей на верхние этажи.

— Так вот же она, — голос Лили за моей спиной звучит резко, в нем отчётливо проскакивает тревога.

Я останавливаюсь на полушаге. Обернувшись, замечаю высокого широкоплечего мужчину возле ресепшена. Он внимательно разглядывает сестру, а она кивает в мою сторону. Мужчина поворачивается. Его суровое лицо с широкими скулами и тяжёлым подбородком привлекает моё внимание. Пронзительный цепкий взгляд впирается в меня. Тонкий шрам на лице мужчины тянется с середины лба через левый глаз вниз по щеке, придавая ему опасную привлекательность.

Мужчина наблюдает за мной, изучая и запоминая каждую деталь, словно охотник перед выстрелом. Я смотрю в его глаза и понимаю, что это не постоялец. Неслучайный прохожий. Не гость, который заблудился в поисках номера.

Мой внутренний голос орёт: «Беги». И я делаю шаг назад, не отрываясь от вездыхомных мужских глаз. Он делает шаг ко мне. Я отступаю. Мужчина двигается быстро, уверенно.

Я натякаюсь спиной на дверцы лифта, который стоит в конце холла. Судорожно жму кнопку вызова. С негромким звоном двери открываются, и я забегаю внутрь. Давлю пальцами на кнопки этажей, но лифт не едет. Снова нажимаю. Ну, давай же, давай!

Почему он не едет?!

— Не делай глупостей, красавица, — тихий, спокойный голос раздаётся где-то совсем рядом, надо мной.

Поворачиваю голову и превращаюсь в каменную статую.

Мужская рука придерживает дверь лифта, а сам мужчина улыбается краешком губ. Он ступает в кабину одной ногой. Медленно, без спешки, потому что знает, что я не убегу.

Расстёгивает куртку и достаёт из внутреннего кармана длинную бархатную тёмно-синюю коробочку.

— Вот, держи. Оденешь на встречу. Захар Иванович передал.

Я не беру. Страх давит на грудь, замедляя дыхание. Но я всё равно не подчиняюсь, а только мотаю головой.

— Не надо. Я не возьму и не пойду.

Мужчина смеётся.

— Не опаздывай. Босс этого не любит.

Суёт коробку в карман моего передника, вынуждая ткань прогибаться под тяжестью. Я снова мотаю головой. Пытаюсь вернуть ему то, что он принёс.

Но мужчина убирает руку и отступает назад.

— Я на стоянке тебя буду ждать. Не заставляй меня применять силу, — разворачивается и уходит.

Прижимаюсь спиной к холодной металлической стене лифта и растерянно смотрю перед собой, но ничего не вижу. Не могу пошевелиться. Не могу дышать нормально, только поверхностно и часто.

Наконец я перевожу взгляд на карман передника и достаю эту проклятую коробочку. Руки дрожат так сильно, что я открываю её не с первого раза. Крышка поднимается с тихим щелчком. Перед глазами начинают скакать зайцы, а сердце пытается вырваться из плена собственного тела.

Внутри — кольцо из белого золота с рубинами и бриллиантами. Под светом ламп камни вспыхивают и бросают красные блики на стены, на пол, на мои пальцы.

Красиво. Дорого. Страшно.

— Ого! — Лиля стоит рядом, любителю содержимым коробочки широко раскрытыми глазами.

А я гляжу на него и понимаю: это не подарок. Это — цена моего рабства.

— Повезло... — сестра выхватывает коробку из моих рук, рассматривает. — От кого?

— В-в-ва-вилов...

— Сам Вавилов тебе передал? А ты не такая простая, как я думала, — она хлопает меня по плечу, улыбаясь.

На моих глазах выступают слезы. Они текут по щекам горячими ручейками, крупными каплями падают на грудь.

— Лилия, — мой голос дрожит. — Я пропала. Совсем.

Она вскидывает голову и вглядывается в моё лицо. Улыбка сползает с её губ.

— Что мне делать? — едва шевелю вдруг слипшимися губами.

Несколько секунд Лилия молчит, затем неопределённо пожимает плечами.

— Глупая, — бросает мне, но её голос уже не такой бойкий. — Иди к Вавилову. Не каждой так везёт. Да и другого выхода нет.

Она снова разглядывает кольцо.

— Правда, он староват для тебя, но это того стоит, — кивает на бархатную коробочку.

— Лилия, — я хватаю её за руку. Пальцы сжимают запястье сестры сильнее, чем нужно. — Я прошу тебя. Пожалуйста, верни кольцо тому парню. Он на стоянке ждёт.

— С ума сошла? Не буду, — сестра резко вырывает руку.

— Лилечка! Помоги мне. Ты же моя сестра. Самая-самая любимая.

Она долго изучает меня. Потом шумно вздыхает.

— Ты, Аня... Ты дура. Это твой билет из говна. Наденешь — станешь человеком. А не наденешь — они тебя всё равно заберут, только синяками украсят. Ты понимаешь? Ещё и за мной придут. Я боюсь, Аня.

Ладонью закрываю рот, пытаюсь сдержать всхлип, и с мольбой смотрю на Лилию. Она закусывает губу, сжимает коробку так, что её пальцы белеют.

— Будь ты неладна, Анька, — громко выдыхает и идёт к выходу, не оборачиваясь.

Лилия толкает дверь и выходит на улицу. Сквозь стекло вижу, что она шагает к стоянке, к чёрной машине. Отворачиваюсь. Не могу смотреть, что будет дальше.

Бежать. Прямо сейчас. Выйти через чёрный ход, сесть на автобус и уехать.

Невесело усмехаюсь сама себе. Куда я уеду? На что?

В сознании всплывает лицо Аркадия Борисовича. Его визитка лежит в кармане. «Если вдруг вам посчастливится оказаться в столице...».

Столица... Я могла бы поехать, если бы были деньги.

— Ну и кто теперь виноват? — шепчу себе, поднимаясь на третий этаж.

Сама. Не надо было так доверять Антону.

В подсобке хватаю тележку с инструментами и средствами для уборки. Захожу в первый пустой номер, закрываю дверь и прислоняюсь к косяку. Трясу головой, прогоняя голос, который шепчет: «Сдайся».

— Нет, — громко выплёвываю в тишину.

Стискиваю зубы и начинаю работать. Всё делаю механически: открываю окно для проветривания, перестилаю постель, протираю поверхности, меняю набор гостеприимства, мою пол. Дальше — санузел. И так номер за номером. Этаж за этажом.

В какой-то момент я замечаю, что очень часто смотрю на часы. Время течёт густой смолой, отмеряя минуты, которые остались до встречи.

Я не пойду. Не пойду. Не пойду. Повторяю это про себя, как молитву, как заклинание.

В шестнадцать ноль-ноль спускаюсь вниз. Лиля ушла, на её месте сидит другой администратор. Прохожу мимо. Через окно наблюдаю за парковкой. Чёрный внедорожник стоит на том же месте.

— Уедут. Сейчас уедут.

Шестнадцать тридцать. Машина стоит. Семнадцать ноль-ноль. Машина стоит. Двигатель заглушён.

Если бы хотели забрать силой, уже забрали бы. Значит, не хотят. Просто ждут. Дают мне шанс прийти самой?

— Не дождутся, — говорю вслух, но в голосе сомнение.

Очень нехорошее предчувствие заставляет моё тело сжаться в нарастающем приступе паники и страха.

Глава 6

Аня

После полуночи гостиница затихает. Постояльцы спят, коридоры пустеют, лампы гудят тише, будто тоже устали. По ночам редко вызывают убираться. Я захожу в подсобное помещение и бес сил опускаюсь на стоящую здесь кровать. Глаза сами закрываются, и лёгкая полудрёма утягивает в беспамятство.

Прохватываюсь от резкой вибрации в кармане. Пальцы дрожат, пока вытаскиваю телефон. Видеозвонок от Антона. Несколько секунд гипнотизирую мерцающий в полутьме гаджет. Может, не отвечать? Но что-то внутри кричит, что надо.

Нажимаю «ответить», и лицо брата заполняет экран. Сердце замирает в груди, а затем галопом несётся вниз.

Всё лицо Антона — одно сплошное месиво. Его глаза заплыли, губы разбиты, из носа течёт кровь, смешиваясь с чем-то ещё. Там, где должны быть передние зубы, я вижу чёрные провалы.

Моментально вскакиваю с кровати.

— Антон! — кричу брату, — Антон, что с тобой?!

— Не ори, — его голос сипит и шепелявит. — Я живой. Не волнуйся.

— Где ты? Ты в больнице?

— Я дома, Аня, — он медленно поворачивает телефон, показывая нашу кухню. — Дома я, сестрёнка.

— Антон, я вызову скорую, я приду сейчас, — всхлипываю.

— Не надо, — брат снова смотрит в камеру. Один его глаз не открывается совсем, а второй прищурен. — Послушай меня, Анютка.

— Что?

— К Захару иди. Завтра. Утром. Сама приди.

Снова этот Захар. Имя, от которого сжимается желудок.

— Тебя люди Захара избили? — голос дрожит, но я заставляю себя говорить твёрже, — я в полицию...

— Не надо в полицию, — брат перебивает меня, и голос его становится жёстче. — Ты права — это Захар. Его люди.

Антон валится на стул и с трудом сглатывает.

— Меня с поезда сняли. Они сказали, что я за тебя должен ответить. Ты не пришла. Избили и выкинули в лесу. — Антон сплёвывает прямо на пол. — Сказали, если ты не придёшь — вернутся. За мной. И за тобой. Я только сейчас до квартиры добрался.

Рука сама собой взлетает к лицу, я закрываю рот ладонью, чтобы не закричать.

— Аня, прости меня. Думал, ты сбежала, поэтому не стал тебе утром звонить. А ты в «Альте»? Да? — Антон хрипит, будто каждое слово даётся ему через адскую боль.

Киваю. Брат глухо и надсадно кашляет.

— Антон... У меня денег нет. Совсем. Ты забрал из...

— Я уезжаю, — обрывает меня почти грубо. — Устроюсь — свяжусь с тобой. А ты не дури, сестрёнка. Иди к Захару. Попроси прощения.

Я мотаю головой. Слёзы текут по щекам, оставляя холодные дорожки.

— Не могу...

— Можешь, — брат говорит твердо, безжалостно. — Вавилов не обидит тебя. Ты зацепила его сильно. Я видел, как он смотрел на твоё фото. Будешь послушной, и Захар всё для тебя сделает.

— Антон...

— А мне, — его голос ломается, становится тихим, почти детским, — по-любому отомстит. А так хоть ты будешь в безопасности.

Антон плачет, закрывая лицо рукой, размазывает кровь по щеке.

— Прости, сестрёнка. Я не хотел... Я думал, что так будет лучше... если... как отец не смог...

Внутри меня что-то ломается. Он такой же. Такой же, как они. Влез в долги, испугался, а теперь пытается спастись за чужой счёт. Только они сбежали сами, а он пытается сбежать, бросив меня зверю, чтобы отвлечь его.

— Антон, ты такой же, как они, — произношу эти слова ровно, почти без эмоций.

Брат вздыхает. На его разбитом лице проступает странное выражение отчаяния, которое сменяется растерянностью.

— Знаю, — шепчет он. — Поэтому прости.

Звонок обрывается внезапно. Я долго глядываюсь в погасший экран. Жду, что Антон перезвонит, но телефон молчит. Тишина давит на уши, сжимает грудь, лишая воздуха.

Я набираю его номер. Не берет. Перезваниваю ещё раз. И ещё.

— Ну же, Антон, ответь, — сама не знаю, кого молю: то ли брата, то ли кого-то невидимого.

Ничего. Только длинные, бесконечные гудки, а затем — плотная, обволакивающая тишина вокруг.

Наконец, осознав бесполезность звонков, я пытаюсь положить телефон в карман, но пальцы не слушаются, и я не сразу попадаю в него. Вытираю лицо передником и выбегаю в коридор.

В раздевалку влетаю, как ураган. Срываю с себя форму, натягиваю джинсы, свитер, куртку. На ходу хватаю шапку и рюкзак. Движения резкие, порывистые, почти судорожные.

Я не пойду к Захару.

Я не лягу под него.

Я уеду.

Одолжу денег у соседки и уеду. К профессору. Он говорил, что поможет. Может быть, это шанс. Может быть, там я смогу спрятаться и начать новую жизнь.

Закидываю рюкзак на плечо, иду к выходу из раздевалки. У окна невольно останавливаюсь. Выглядываю на парковку: чёрный внедорожник по-прежнему стоит между центральным и служебным выходами. Выйти незаметно не получится. Сердце колотится так сильно, что я слышу его удары в висках, они отдаются в ушах, мешая думать.

Чёрный ход. Можно выйти через чёрный ход. Они там не стоят. Наверное.

Почти бегу к запасному выходу, находящемуся с другой стороны гостиницы. Толкаю дверь. Холодный ветер бьёт в лицо. На улице темно, фонари здесь не горят. Небо чёрное, без звёзд. Оглядываюсь. Никого. Делаю шаг. Второй. Третий.

И застываю, ноги тяжелеют...

Остановившись, сжимаю лямки рюкзака до боли в пальцах. Ледяной ветер продувает насквозь, забираясь под куртку. Я шатаюсь. Но не от ветра...

В нескольких шагах впереди стоит тот самый мужчина: в кожаной куртке и с суровым, непроницаемым лицом. Он знал, что я здесь буду, и просто дождался.

— Захар Иванович расстроится, если ты уйдёшь, — он говорит спокойно, почти по-дружески. — А расстроенный Захар Иванович — это проблемы. Для всех.

Резко разворачиваюсь и бегу назад. У самого входа, оглядываюсь. Мужчина стоит на том же месте и провожает меня взглядом, в его пальцах тлеет сигарета.

Вбежав в гостиницу, закрываю дверь на внутренний замок и прижимаюсь к ней. Стою так несколько минут, выравнивая дыхание.

В раздевалке бросаю рюкзак на пол. Достая телефон и набираю Антона. Снова не отвечает.

— За что мне это всё, — пнув ногой скамейку, вскидываю голову вверх.

Решение возникает мгновенно. Конечно! Вёс же просто.

Набираю номер полиции, но не решаюсь нажать на вызов. Палец так и висит в воздухе.

Что я скажу? «Меня продали бандиту. Мой брат должен ему. Он избил брата. Теперь хочет меня. Захар Вавилов.» Так сказать?

И тут я вспоминаю.

Полгода назад в гостинице девочки обсуждали новости. Про Захара. Про то, как его «пригласили на беседу» в полицию, и через два часа он вышел. А того, кто приглашал, больше никто не видел.

Я тогда не придавала этому разговору значения. Теперь я всё понимаю. Никто не пойдёт против Захара.

Сбрасываю звонок. Снова переодеваюсь и бреду в подсобку. Смена закончится в шесть утра. А потом... Потом я что-нибудь придумаю.

«Выход есть всегда», — повторяю про себя. Снова и снова.

Но почему-то я не могу дышать полной грудью. И руки дрожат. Мелко и противно.

Телефон в кармане не подаёт признаков жизни. Антон так и не перезвонил.

Выход есть всегда.

Главное сейчас — успокоиться.

«А может, Антон прав? Может, если я пойду к Вавилову, всё наладится?» — предательская мысль заползает в сознание, царапая изнутри, и я с ужасом понимаю, что уже не так уверена в своём «не пойду».

Глава 7

Бес

Я ненавижу этот город.

Маленький, грязный, насквозь пропитанный страхом и безнадёгой. Даже местный воздух другой — липкая отравка. Но несколько раз в год я приезжаю. Моя Ульяна здесь. Вместе с нашим сыном. Или дочерью.

Это её город, поэтому и последнее её пристанище я решил устроить тут.

Но сегодня я приехал сюда не из-за Ульяны. Вернее, не только из-за неё.

Кладбище встречает меня тишиной. Фонари не разгоняют стгутившуюся тьму. Слишком рано ещё. Циферблат на руке показывает пять утра. Мне не нужен свет. Я здесь каждую дорожку, каждую плиту, каждую скамейку, каждую трещину в асфальте на ощупь найду. Ходил тут сто раз. Тысячу.

Останавливаюсь у знакомой ограды. Чёрный мрамор. Золотые буквы. Имя, которое режет по сердцу каждый раз, как ножом.

Ульяна Бессонова.

Моя девочка.

— Здравствуй, солнышко, — кладу цветы на холодный камень.

Ветер срывает лепестки. Они кружатся в воздухе и в беспорядке падают на могильную плиту.

Я стою молча. О чём говорить? Она и так всё знает. Знает, что я не забыл. Знает, что виноват. Знает, что никогда себя не прощу. Вина жрёт изнутри. С каждым годом всё глубже пробирается.

Если бы я тогда не уехал... Если бы остался...

— Дела, — говорю в пустоту. — Нужно навести в городе порядок. Пришлось просить Егора помочь.

Порывы ветра пробивают насквозь, поднимаю воротник пальто.

— Мне не сдобровать, когда Ника узнает, что это из-за меня Егор уже три месяца не выходит с ней на связь. Вот думаю охрану усилить, не то она мне ноги точно переломает, — усмехаюсь. — Представляешь, что она с Егором сделает?

Медленно провожу рукой по родному лицу, высеченному на камне. Холод под пальцами заставляет сердце снова заныть. В памяти вспыхивает улыбка жены.

— Вадим, мы точно всё правильно решили? У меня нехорошее предчувствие.

— Это в последний раз, солнышко. Я уже обо всём поговорил с отцом. Вернусь, передам дела, и всё закончится.

Ульяна тянулась ко мне в то утро, будто прощаясь. Она задерживала меня, как могла.

Опускаю голову. Картинка в памяти такая яркая, что на мгновение кажется: жена стоит рядом. Карканье ворон вырывает из воспоминаний. Реальность вцепляется в плечи, прогоняя взволнованный женский шёпот из сознания.

— До встречи, Улечка. Передавай привет нашему малышу.

Ухожу, не оглядываясь. Долгие прощания не для меня. Выматывают. Пора двигать в гостиницу.

В последние дни был сплошной напряг в делах, вопросы закрывал по ночам. Так что теперь хочу отоспаться. После обеда встреча с Егором, а до того надо восстановить хоть какие-то остатки сил. Но зайдя в номер, обнаруживаю бардак после предыдущего постояльца. Брезгливость на пару с раздражением захлёстывает. Звоню и сообщаю об этом ... недоразумении администратору. А затем спускаюсь в холл.

— Ещё раз приносим вам свои извинения, — щебечет администратор, когда я подхожу к стойке. Девушка бледнеет, стоит ей глянуть на моё лицо. — Я могу предложить вам другой номер...

— Не надо, — я не повышаю голос. Незачем. Девушка и так уже трясётся. — Я подожду на парковке. Скажите своей горничной, чтобы поторопилась.

Выхожу на улицу. Достая сигарету, но не закуривая сразу, просто мну в пальцах, глядя на серое ноябрьское небо.

Мысли о деле. О Захаре. Этот ублюдок в последнее время слишком много себе позволяет. Торговля людьми. Серьёзно? Я запретил это сразу, как встал у власти после отца. Но Захару плевать. Он думает, что здесь, в своей норе, может всё.

Придётся напомнить, кто здесь хозяин, под кем он ходит.

Закуривая. Дым горчит на языке.

Чёрный внедорожник в углу парковки приветственно мигает фарами.

Мне? Узнаю своего человека. Блядь, спалишься же. Или ты здесь один? Мимо чешет рыжий здоровяк с тремя кофе на вынос, причём чешет прямо к внедорожнику. Понятно. Хитрец.

Страхиваю пепел, лениво наблюдая за здоровяком, снова перевожу взгляд на машину. Кого ты тут караулишь?

Номер мне заказали неделю назад. Люкс на третьем этаже, окнами на парковку. Место выбрал не случайно — отсюда просматривается и главный вход, и служебная стоянка. Отдыхать я здесь не собираюсь. Нужна только точка входа, официальная, на виду, чтобы Захар задёргался.

Он и задёргается. Через пару часов, когда Захару сообщат обо мне. Вавилов начнёт срочно собирать своих, по городу забегают шестёрки, кто-то кого-то будет искать, кто-то кому-то будет угрожать. Всё как всегда. Скучно. Предсказуемо.

Я приехал без охраны. Открыто. Пусть гадают, зачем я здесь. Пусть нервничает. Пусть готовит мне засаду.

Так даже лучше.

Всё должно случиться сегодня или завтра. Его люди, те, кто приезжают раз в полгода за «товаром», уже в городе. Мои ребята доложили. Я жду момента, когда они соберутся все вместе, чтобы накрыть эту мерзоту раз и навсегда.

Выбрасываю окурок и тру ладонью лоб.

Торговля людьми.

Под моим именем.

Под моей крышей.

Бля-я-я!

Я узнал об этом четыре месяца назад. Сначала не поверил. Захар — старый лис, умный, осторожный. Слишком много лет знает меня, слишком много лет живёт спокойно. Но жадность, видимо, сильнее страха.

Он решил, что я не узнаю, что я занят другими делами. Что можно тихо, без моего ведома отправлять девчонок на юг, в закрытые дома для нужных людей, устраивать целые ужины, на которых гости едят с девушек, а затем забавляются с ними. Живые столы, мать его.

Мразь. Девочек, как в магазине выбирает, прямо с улицы хватает. Не всех потом находят. Ещё и народ против меня собирает. Убрать меня решили, суки. Передел устроить.

Я знаю про покушение. Жду его. Как только люди Вавилова сделают первый шаг — крышка захлопнется. Мои люди рядом, на позициях. И Егора ребята тоже здесь. Он выделил самых надёжных и проверенных. Они ждут сигнала.

Я разберусь с крысами.

Но сначала выплусь.

Через двадцать минут поднимаюсь в номер. Вставляю ключ, поворачиваю и сразу понимаю: внутри кто-то есть. Слышу возню, грохот, чертыхание. Женское. Открываю дверь. И в следующую секунду в меня врзается тележка.

Я успеваю отшатнуться, но поздно. Бутылки летят на пол, разбиваются, жидкость растекается по полу. Полотенца падают в лужу. Тележка бьёт меня в бедро.

И я вижу её. Маленькую. Худую. Растрёпанную.

Стоит на четвереньках в зелёной луже, пытается подняться и снова падает. Её ладони скользят по мокрому полу, девушка натывается на осколки и вскрикивает.

Я смотрю на неё сверху вниз.

Первый взгляд — ничего особенного. Фигурка хорошая. Тут не поспоришь. Но таких много. Не запоминаются.

Она поднимает голову. Красивая, но есть и получше. И тут я вижу её глаза. Ясные, чистые, добрые. Ни капли страха. В них нет отчаяния провинившейся уборщицы. В них мелькает что-то другое. Вера в светлое? Девчонка растерянно моргает и даже не понимает, в какой позе сейчас стоит. А я с удивлением ощущаю тепло в паху. Да ну нахуй! На эту мелкую горничную?

Хочу сказать что-то резкое. Но смотрю на неё и вдруг понимаю, что не хочу. Что-то есть в её взгляде, что-то цепляющее.

Я привык к тому, что люди боятся меня, что они сразу начинают оправдываться, умолять. А эта девчонка просто смотрит, будто я — не угроза, а загадка, которую нужно разгадать. И от этого меня конкретно клинит.

— У вас десять минут, — раздражённо бросаю сквозь зубы и выхожу.

Глава 8

Аня

Время тянется медленнее, чем ползёт улитка. Тело работает в автоматическом режиме, а мысли кружатся по замкнутому кругу, не давая мозгу принять решение.

Я уже давно потеряла счёт попыткам дозвониться брату. Меня уже тошнит от одной только фразы: «Абонент недоступен. перезвоните позже». Один раз мне показалось, что я услышала гудки. Сердце подпрыгнуло в слабой надежде, но затем равнодушный голос сказал очередное: «Абонент недоступен».

Где он? Уехал? Его забрали? Он жив?

Я не знаю. Я ничего не знаю. И от этого по телу ползут ледяные мурашки.

Через каждые десять-пятнадцать минут проверяю время. Три часа. Четыре. Пять часов. Шесть.

Смена заканчивается.

Спускаясь к стойке администратора, я в очередной раз пытаюсь дозвониться до Антона. Гудки не идут. Снова слышу «абонент недоступен». Сжав телефон в кулаке, подавляю желание швырнуть его в стену. И вдруг мой гаджет оживает. Я вздрагиваю всем телом и, не глядя, кто звонит, принимаю вызов неловкими пальцами.

— Аня! Ты почему люкс на третьем не убрала? Там постоялец съехал ещё вчера утром, — администратор кричит в трубку.

Резко останавливаюсь. Точно. Люкс. Я должна была убрать его после того, как съехал Аркадий Борисович. Но после встречи с тем мужчиной со шрамом, после того, как увидела машину у входа... я забыла. А потом звонок Антона...

— Я сейчас всё уберу, — отвечаю.

— Давай быстрее, — командует администратор. — Там новый заселился. Он уже и позвонил, и спустился на ресепшен. Это непростой постоялец, Аня! Сейчас на парковку вышел.

Несусь в подсобку, хватаю тележку с принадлежностями. Через пару минут я стою у двери люкса, пытаюсь её открыть. Ключ не попадает в замочную скважину. Прислоняюсь лбом к прохладной поверхности и, зажмурившись, дышу ртом.

Вдох.

Выдох.

Тошнота подступает к горлу. Я не помню, когда ела в последний раз. Не помню, когда пила воду. Голова кружится, в глазах темнеет, но останавливаться нельзя.

Вдох.

Выдох.

Подношу ключ ещё раз к замочной скважине и сразу открываю дверь.

Толкаю тележку внутрь. Быстрее. Быстрее.

Уборка даётся тяжело. Пол не вымывается как следует. Простыня скользит в руках и падает на пол. Поднимаю, расправляю, застилаю. Угол не попадает в угол. Дёргаю, тяну — ткань не слушается. Наволочки путаются в пальцах, не натягиваются на подушки. Наконец, справляюсь с кроватью, поправляю покрывало.

Бегу в ванную. Снимаю старые полотенца. Мыло, шампунь, гель для душа, туалетная бумага — всё по местам. Случайно опрокидываю мусорное ведро и ударяюсь локтем о стену. Фен слетает с держателя, сбивая косметику с полки.

— Да что же такое! — голос срывается на всхлип.

Только бы Антон был живой. Только бы с ним было всё хорошо.

Ползая по полу, собираю всё, что упало. Собрав и расставив всё перед зеркалом, возвращаюсь в комнату. Поправляю шторы. Проверяю: всё ли на месте.

Закончила. Нарушила все мыслимые и немыслимые правила уборки, но закончила. Выдыхаю, выпуская вместе с воздухом часть напряжения, которое накопилось во мне.

Иду к двери, берусь за ручку, нажимаю, и в этот момент дверь открывается снаружи. Я не успеваю остановиться. Тележка выкатывается вперёд и врезается в мужчину, который входит в номер.

Ужасный грохот разрывает тишину и заставляет меня закрыть уши. Бутылки с чистящими средствами летят на пол, разбиваются, жидкость разливается. Полотенца падают и впитывают растёкшуюся химию с едким запахом. Тележка дёргается, толкает меня в бедро, я не удерживаю равновесие и лечу вниз, смахнув рукой с тележки бутылки с питьевой водой.

Колени встречаются с полом. Острая боль впивается в суставы. Я падаю на руки, ладони скользят в луже моющего средства, натыкаются на осколки. Стекло впивается в кожу.

Спасибо, господи! Ты наглядно показываешь мне мою ничтожность.

Поднимаю голову.

Передо мной стоит мужчина. Высокий. Выше всех, кого я знаю. Я смотрю снизу вверх, и он кажется мне ожившим титаном, вернувшимся из мрачных глубин Тартара. В нём чувствуется такая сила, которая не обсуждается. Широкие плечи, пальто небрежно распахнуто, из-под него выглядывают тёмный костюм и чёрная рубашка, под которой перекачиваются мышцы. Всё это теперь залито.

Я настороженно вглядываюсь в мужское лицо. Жёсткое. Скулы рельефные, челюсть тяжёлая с ямочкой, губы сжаты в тонкую линию. Глаза — тёмные, почти чёрные. Они смотрят на меня сверху вниз, и я чувствую себя маленькой, незащищённой, голой под этим взглядом.

На мгновение в его глазах мелькает злость, которая гаснет через секунду, уступая место холодному спокойствию. Он брезгливо оглядывает себя, затем внимательно смотрит на меня, и я понимаю: этот мужчина привык, что мир подчиняется ему. Он не сомневается, не боится, не ждёт разрешения, не задаёт вопросов. Он только берёт. И от осознания всего этого липкий ужас быстрой волной проносится по спине.

— Простите, — произношу почти шёпотом. — Простите, пожалуйста. Я не специально. Я...

Мужчина молчит. Его давящий взгляд медленно скользит по моему лицу, останавливается на губах, затем опускается ниже, плывёт по шее, ключицам, груди. Я стою на четвереньках

в скользкой зелёной луже, а он рассматривает меня, как рассматривают вещь, которую хотят купить. Наглец!

Хочется отвернуться, прикрыться, спрятаться. Но я не могу пошевелиться. Не могу отвести взгляд. Словно жду команды, как ждут зверушки в цирке приказа дрессировщика. Очень странное ощущение.

И неприятное.

— У вас десять минут, — глухо и раздражённо бросает мне мужчина.

Но страшно не это. Страшно то, как звучит его голос. С примесью власти в тоне, которую не обсуждают, которая заставляет сжаться и беспрекословно подчиниться. Я замечаю, что смотрю в пол, но я не опускала голову! Она опустилась сама.

Открываю рот, чтобы ответить, но у меня не получается это сделать. Горло сжалось. Единственное, что я сейчас делаю, так это хлопаю глазами и глупо киваю.

Мужчина разворачивается и выходит, слегка стукнув дверью. Его уверенные шаги глоснут в коридоре.

Я же кое-как встаю, умываюсь в ванной и убираю весь этот кошмар перед входной дверью. Прошло пятнадцать минут. Я не успела. Но мужчина ещё не вернулся, а значит, мне нужно быстрее исчезнуть. С такими мыслями направляюсь к выходу из люкса.

Открываю дверь и превращаюсь в камень.

Прямо передо мной, засунув руки в карманы брюк, в позе хищника в засаде, стоит ОН.

Как такое возможно? Он не уходил что ли?

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Наверное, я должна отойти в сторону и пропустить мужчину. Или я должна что-то сказать? Да, должна. Только вот моё тело устраивает бунт и начинает творить невероятную дичь: я зачем-то делаю шаг вперёд и толкаю перед собой тележку.

Она врезается в мужчину.

Снова.

— Ой! — вскрикиваю, отступая назад.

В ужасе наблюдаю, как скулы постояльца сжимаются, глаза темнеют, взгляд становится колючим.

— Я... — слова застревают где-то в мозге. — Простите...

Мужчина одной рукой легко отодвигает тележку, как если бы она была невесомая. Я пячусь назад, он надвигается. И явно не с добрыми намерениями.

Что я делаю? Меня сейчас прибьют. И все мои проблемы исчезнут прямо в этом номере. Ну, может быть, это и к лучшему. Упираюсь ногами в кресло.

Мужчина останавливается в сантиметре от меня. Я задерживаю дыхание и, отклонившись назад, выставляю руку вперёд в оборонительном жесте. Вот только, похоже, моё поведение ещё больше злит мужчину. Его пальцы мгновенно сжимаются на моем запястье и дёргают меня к себе.

— Ты издеваешься? — внимательные глаза врезаются в моё лицо.

Глава 9

Аня

— Ты издеваешься? — его глаза сверкают сомнением, будто в эту самую секунду мужчина решает: разорвать меня на части или не стоит мारаться.

Наверное, он ждёт ответа. Вот только я не могу это сделать. Станный дурман овладевает моим телом, голова кружится, а я теряю рассудок. Иначе нельзя объяснить то, что я сама

утыкаюсь носом в мужскую грудь и глубоко вдыхаю его запах. И мне нравится этот пряный аромат с нотками морской свежести.

Я не понимаю, зачем делаю это. Не понимаю, почему моё тело не слушается.

Может быть, я на самом деле схожу с ума. Потому что нормальные девушки так не делают. Нормальные девушки не прижимаются к незнакомым мужчинам, которые только что угрожали им.

Может быть, это шок. Да. Это шок. Только так можно все объяснить.

Мужчина опускает руки на мои плечи и легонько встряхивает меня. Он делает это осторожно, даже с какой-то заботой. Но под этой аккуратностью скрывается стальная хватка. Уверена, стоит ему захотеть, и хрупкие кости хрустнут.

— Посмотри на меня, — обрушивается приказ, который я не могу не исполнить.

Сталкиваюсь с чёрными горящими глазами. Они изучают, оценивают, смущают.

Мужчина склоняет голову к плечу, и его лицо меняется: ярость уступает место удивлению, к которому присоединяется интерес.

— Простите, — мой голос отчего-то становится хриплым. — Я все постираю. Я... я куплю новый костюм. Я...

Замолкаю, понимая, что несу чушь. У меня нет денег. Ни на что.

— Брось. Уже не отстирать.

Его рука поднимается. Пальцы бережно касаются моей щеки и очень медленно ползут вниз к подбородку, спускаются к шее, останавливаются на пульсирующей венке. От соприкосновения с шершавой кожей его пальцев по телу бежит тепло, заставляя меня ощутить произвольный трепет.

— Ты дрожишь. От холода? Или от меня?

Сглатываю, пытаюсь вернуть застрявший в горле голос.

— Когда я задаю вопросы — нужно отвечать, — слегка надавливает на шею. Почти неощутимо, но пульс тут же скачет, отдаваясь в висках глухим, неровным стуком.

— От вас, — шепчу.

Он лениво улыбается, и его губы почти касаются моих, тёплое дыхание щекочет кожу. Наклоняется ближе к моей груди, читает имя на бейджике:

— Правильный ответ, А-ня-я.

Вздрагиваю. Моё имя звучит слишком тяжело, будто он кладёт его на ладонь и взвешивает.

Мужчина снова встряхивает меня, мягко, но настойчиво, вынуждая поднять голову.

— Не реви, — он отступает на шаг, ухмыляясь. — Я не кусаюсь. Пока.

Что? Я не реву! Чего это он?

Неуверенно дотрагиваюсь до лица и сразу ощущаю предательскую влагу на щеках. Когда я успела? Быстро вытираюсь. Моё лицо превращается в сплошную раскалённую поверхность. Наверное, сейчас на нем можно печь блины.

Что со мной происходит? Хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в воздухе, лишь бы не стоять здесь, не чувствовать, как жар ползёт от щёк к шее и ниже.

Постоялец порывисто снимает пальто и бросает его на кресло. Следом летит пиджак. Волна прохладного воздуха, пропитанная терпким мужским запахом, ошпаривает меня. Я стою неподвижно, не в силах ни улыбнуться, ни отвести взгляд. Не знаю, что делать.

Уйти? Остаться? Ждать? А чего ждать?

Мужчина медленно расстёгивает рубашку. Пуговица за пуговицей. Вторая. Третья... Рубашка падает на подлокотник кресла. Ох! Воздух из моих лёгких выходит слишком тяжело. Скольжу взглядом по широким плечам, по мышцам, перекачивающимся под кожей при каждом движении, задерживаюсь на его груди. Там, у сердца, сложным, переплетающимся узором

на коже темнеет татуировка. Я пытаюсь разобрать рисунок, но он переливается под светом ламп, не позволяя понять его смысл.

В тишине номера оглушительно звякает металлическая пряжка ремня.

Я делаю судорожный вдох.

— Ну, чего застыла? — голос низкий, требовательный. — В ванну иди!

Подчиняюсь. Без вопросов, без раздумий. Просто покорно иду к ванной, словно во сне. Рука тянется к дверной ручке, сжимает её, дёргает и... застывает в воздухе. В этот момент туман в голове рассеивается, давая мозгу вернуться к работе.

— Зачем? — спрашиваю, повернув голову в сторону мужчины.

— Расплачиваться будешь, — он отвечает насмешливо и тянет молнию брюк вниз.

Постоялец задумчиво останавливает взгляд на моей талии.

— У меня встреча после обеда. Хотел выспаться. Но с тобой... — он нагло и хищно осматривает меня. — Тоже отдохну. И начнём мы в ванной.

— Что начнём... в ванной? — я запинаюсь, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Спину мне потрёшь. И не только, — уголки мужских губ дёргаются вверх.

Мой взгляд упирается в его увитые венами руки, крепкий живот, ремень, висящий в плёвках брюк... Смотрю на мужской пах... Кровь заливает щеки, я задерживаю дыхание, и до меня окончательно доходит весь смысл слов постояльца. Воздух между нами будто сгущается, становится тяжелее.

Резко разворачиваюсь и бегу к выходу. Но на пути я встречаю злосчастную тележку, налетаю на неё, ударяюсь животом и теряю равновесие. Тележка с грохотом катится, а я лечу на неё, но не падаю.

Мужчина хватается меня за руки, удерживает, не давая упасть. Его пальцы стальными тисками смыкаются на моих запястьях. Не больно, но надёжно. Не вырваться.

— Тихо-тихо. Правильная, да?

Не дождавшись ответа, он прижимает меня к стене так, что не дёрнуться.

— Стой смирно, — тихо командует. — Девочка.

Его низкий, с хрипотцой голос вызывает необъяснимую дрожь, заставляя меня замереть. Неровный стук моего сердца оглушает. Разум ещё пытается сопротивляться, убеждая меня оттолкнуть мужчину, наступить ему на ногу, укусить, ударить в пах или ещё куда-нибудь. Но тело уже слушается этого постояльца, вынуждая разум сдаться. Потому что в этом голосе нет злости. Есть власть. И она притягивает, подчиняет, обволакивает.

Мужчина наклоняется и ведёт носом по моей шее, вдыхая мой запах. Его горячее дыхание будоражит. И мою кожу, и мои нервы. Непонятная тяжесть оседает внизу живота. И это пугает. Никогда раньше я не испытывала такого. Он тянется к моим губам, но останавливается в миллиметре от них.

— Повторяю: я не кусаюсь. Не дрожи, — ловит мой взгляд.

— А если... укусите? — срывается с губ прежде, чем я успеваю подумать.

Я схожу с ума, потому что впервые в жизни произношу такую глупость. Зачем я это сказала? Зачем? Он же теперь подумает, что я...

Мужчина замирает и смотрит на мои губы, а затем медленно, так медленно, что я чувствую каждую миллисекунду, снова возвращает взгляд к моим глазам.

— Хочешь проверить?

Не дожидаясь ответа, он подаётся вперёд. Его горячие, мягкие губы, слегка касаясь кожи, неторопливо чертят путь от мочки уха до ключицы.

Не целуют. Изучают. Пробуют на вкус.

Я невольно задерживаю дыхание, прислушиваясь к новым для меня ощущениям.

— Боишься? — шепчет мужчина.

— Да, — честно признаюсь, потому что лгать ему не получается.

— А хочешь?

Его рука скользит по изгибу моей талии, по моему боку вверх, касается груди. Ткань формы не спасает, я чувствую каждый его палец, каждое нажатие, каждую точку, где он решает остановиться. И мне нравится это.

Рот открывается, чтобы ответить «нет». Но вместо этого я слышу собственный сдавленный звук, похожий на «да».

— Ты не в моём вкусе, — говорит мужчина, и я вздрагиваю от обиды, которую не должна чувствовать. — Слишком мелкая. Мне такие не нужны.

Кончик его большого пальца касается моей нижней губы, слегка надавливает и осторожно оттягивает.

— Но ты... — обрывает, не договорив.

Его руки мягко ложатся на мои запястья и слегка сжимают их.

Я не сопротивляюсь. Стою, разглядывая постояльца, и понимаю: он врёт, потому что я нравлюсь ему. И он мне нравится. Очень. Но иррациональный страх не позволяет показать это.

Мужские пальцы медленно, словно сопротивляясь, разжимаются, освобождая меня. Постоялец отстраняется и отступает на шаг. Внутри всё сжимается от неожиданной боли.

— Можно я пойду? Пожалуйста, — пишу ему.

— Тебя никто не держит, — он пожимает плечами.

В его глазах застыли любопытство и спокойная уверенность человека, который привык, что его слова не обсуждают.

— Не попадайся мне больше на глаза. В следующий раз не отпущу.

— Спа-па-сибо.

А за что я его благодарю? Ой, глупая...

Мужчина разворачивается и исчезает в ванной. А я стою и вглядываюсь в приоткрытую дверь, из-за которой раздаются звуки льющейся воды.

Почему он остановился? Ведь мог же сделать со мной всё что угодно, и никто мне не помог бы, и ничего ему за это не было бы. Но он отпустил.

Я не знаю, как долго прихожу в себя. Но когда, наконец, это происходит, я хватаю тележку и толкаю её к выходу из номера. В коридоре, не оглядываясь, бегу в подсобку, затем сдаю ключи администратору, быстро переодеваюсь и выхожу из гостиницы. Делаю пару шагов прочь от крыльца и цепенею, просто теряю дар двигаться.

Чёрный внедорожник всё ещё стоит на парковке и ждёт меня. Тёмные стекла не позволяют разглядеть сидящих в нём людей.

Время теряется в пространстве. Дверцы машины открываются, и из неё выходит мужчина, который передавал мне колье. Он открывает заднюю дверцу и демонстративным жестом приглашает меня сесть внутрь внедорожника.

Отступаю в сторону пешеходного перехода, ведущего на другую сторону улицы. Мужчина идёт в мою сторону, а из внедорожника выходит ещё один здоровяк и тоже направляется ко мне.

И что мне делать? Мысли мечутся, напрягая мой мозг, но так и не находят решение.

Через дорогу — автобусная остановка, но людей там почти нет. За ней — торговый центр, но он откроется только в 10.00. Да и не успею я никуда убежать.

— Не дури, красавица. Садись в машину. Сама, — они уже почти подошли. Ещё несколько шагов, и мужчины схватят меня.

Чистейшая паника завладевает моим сознанием.

Я не хочу!

Я не могу!

— Давай, красавица. Решайся.

Глава 10

Аня

— Давай, красавица. Всё будет хорошо, не бойся.

Мужчина со шрамом протягивает мне руку, будто хочет поддержать меня, помочь. Его взгляд становится мягче, добрее, голос — тише. Он уговаривает меня, усыпляет мой здравый смысл.

На секунду я верю ему. В груди вспыхивает неожиданная надежда, и я почти решаюсь сделать шаг навстречу... Но это всего лишь секунда, после которой инстинкт самосохранения включает режим тревоги и заставляет меня резко развернуться и броситься обратно в гостиницу. Я бегу, не оборачиваясь. Пролетаю мимо офигевшей охраны и администратора, сворачиваю в коридор, ведущий в сторону запасного выхода. Почти у самой входной двери торможу.

А если меня там ждут, как в прошлый раз? Точно, ждут. Глаза жжёт, пот скатывается тонкой струйкой по позвоночнику, но при этом меня трясёт. Почему я дрожу?

Куда? Куда мне идти? Где спрятаться? Обхватываю голову руками и слегка сжимаю, замуривая глаза. Это всё не реально, не может это всё происходить на самом деле! Я же обычная, ничем не выделяющаяся девушка. Со мной не может происходить вся эта дичь.

Открываю глаза и снова озираюсь.

Внутренний голос кричит: «Кухня!» Не раздумывая, подчиняюсь ему и через пару минут миную поваров, которые уже готовят завтрак. Их удивлённые взгляды оседают между лопаток. Запах еды ударяет в нос, желудок сжимается, тошнота становится всё ощутимее.

Выскакиваю во внутренний дворик, куда обычно заезжают машины с продуктами. Холодный ветер почти срывает шапку, врезается в лицо, но я не обращаю на него внимания, несусь к воротам. Сегодня дежурит дядя Паша. Киваю ему, здороваясь, и выбегаю на улицу. Оглядевшись по сторонам, убеждаюсь — моих сторожей нет. В пяти метрах — остановка, через дорогу — парк. Решаю не рисковать и иду через парк, несмотря на то, что так дальше. За ним стоит ещё одна остановка. Бросаюсь к ней, задышавшись.

Автобус подходит через пять минут. Я запрыгиваю в него, падаю на сиденье и прижимаю рюкзак к груди. В голове вибрирует навязчивая мысль: «Домой. Антон. Уговорить его пойти в полицию».

Автобус размеренно покачивается, тепло разливается по телу, гул мотора убаюкивает. Я закрываю глаза и вижу жёсткое лицо с тёмными глазами, ехидную улыбку, кубики пресса на животе, мощную рельефную грудь. С трудом разлепив веки, трясую головой.

Я не знаю, кто он, тот постоялец, но непонятное желание встретиться с ним снова вгрызается в мою душу. И от этого внутри разрастается паника, потому что я боюсь того мужчину и одновременно хочу оказаться рядом с ним. От этой мысли дыхание сбивается, сердце предательски учащает ритм, а ладони становятся влажными.

Вцепляюсь пальцами в сиденье, пытаюсь прийти в себя.

«Очнись, — тихонько прошу сама себя, — ты даже не знаешь его имени». Противоречивые чувства разрывают меня на части: страх холодит спину, а где-то в груди разгорается странный, почти запретный жар. Снова закрываю глаза, пытаюсь изгнать это наваждение, но образ мужчины не исчезает. Он слишком яркий, слишком живой. Я не понимаю, что со мной происходит. Провожу рукой по лбу — горячий. Может, я заболела? Может, мысли о том постояльце — горячечный бред?

«Я же не хочу увидеть его снова», — убеждаю себя, но голос в голове звучит далеко не убедительно.

Распахиваю глаза шире, оглядываюсь по сторонам: пассажиры спокойно сидят на своих местах, никто не смотрит на меня. Всё как обычно, только я сама уже не та, что была час назад.

Телефон в кармане оживает, вырывает меня из оцепенения. Достаяю его. На экране горит сообщение с незнакомого номера: «Ты думаешь, что сбежала. Это не так».

Перечитываю несколько раз. Пальцы немеют, то ли от холода, то ли от того, что кровь застыла вместе с моим сердцем. Автобус дёргается на повороте, и я едва не роняю телефон. «Кто это?» — быстро печатаю. И также быстро удаляю, не отправив.

Я знаю ответ.

Сердце заходится бешеным стуком заячьих лап, попавших в капкан. Они знают, куда я направляюсь. Мне бы сейчас уехать из города или спрятаться где-нибудь. Нельзя возвращаться домой.

Чёрт! Закрываю лицо руками, пробуя собрать все мысли в кучку. Я не могу бросить Антона. Вдруг он истекает кровью в нашей квартире? Вдруг ему нужна помощь? Я должна убедиться, что с ним всё в порядке. Возможно, мне повезёт и я... мы покинем квартиру до того, как придут ОНИ.

Моя остановка. Выхожу из автобуса и быстро бреду в сторону дома. Перед нашим подъездом задираю голову вверх. Шторы задёрнуты. Не знаю, что я хотела увидеть. Знак, что всё в порядке? Или, наоборот, предупреждение об опасности?

Зайдя в подъезд, лифт не вызываю, поднимаюсь по лестнице. Ступенька за ступенькой. Каждый последующий шаг даётся мне всё сложнее и сложнее. На очередной площадке, подняв голову, заглядываю на следующий этаж. Никаких звуков, никакого движения, только мои шаги отдаются эхом в пустом подъезде. Поднимаюсь на наш этаж, подхожу к двери и какое-то время, прижавшись ухом к холодному металлу, вслушиваюсь в тишину.

Наконец, тихонько, словно от шума зависит моя жизнь, достаю ключи из кармана и открываю дверь.

— Антон? — шёпотом зову брата, застыв на пороге квартиры, — Антон, ты дома?

Мой голос дрожит и срывается на хрип.

— Антон?

Медленно и осторожно переступаю порог, почти беззвучно закрывая за собой дверь. Тишина обволакивает. Осматриваюсь. Коридор, кухня, моя комната, ванна — везде пусто. Дверь в комнату брата приоткрыта. Заглядываю внутрь — никого. Всё на своих местах, даже кровать аккуратно заправлена. Поворачиваю голову вправо, и моё сердце проваливается в чёрную бездну. Злая реальность острым стеклом режет наивные мысли о брате.

Он уехал.

Шкаф распахнут настежь, вешалки болтаются пустые. Вся новая дорогая одежда Антона исчезла.

Он действительно бросил меня. Ему плевать, что со мной сделают.

Меня все бросили, я никому не нужна...

Разворачиваюсь и, шаркая ногами по полу, тащусь на кухню.

На столе лежит вырванный наспех неровный тетрадный листок с кривыми, торопливо выведенными буквами. Беру его в руки и читаю.

«Я люблю тебя, Анютка. Прости меня».

Сжимаю листок в кулаке, мну, прижимаю к груди.

В коленях — невозможная слабость, а в голове — гулкая пустота. Так хочется сейчас забраться в ванну с тёплой водой, а затем — нырнуть в постель, натянуть одеяло на голову, спрятаться от всего мира, от всех звуков и мыслей. И плакать, плакать, плакать... Жалеть себя хочу.

Вместо этого опускаюсь на стул. Пальцы сжимают край столешницы так, что становится больно.

— Соberись, — приказываю сама себе. — Ты же сильная. Ты справишься.

В ушах вдруг отчётливо звучит бабушкин голос:

— Вас всего двое самых близких друг другу людей. Вы всегда должны держаться друг за дружку, помогать, поддерживать...

Горько усмехаюсь. Теперь у меня нет близких людей. Никого, кто мог бы поддержать. Но я сама о себе позабочусь. Обязательно. Вот только посижу здесь ещё минуточку, пока головокружение не пройдет, и оставляю этот город и всю мою прежнюю жизнь лишь в памяти.

Резкий, неожиданный звук выдёргивает меня из моих мыслей. Я замираю, повернувшись в сторону коридора.

Тишина.

Показалось?

В следующую секунду подскакиваю от повторяющегося скрипучего звука.

Звук поворачивающегося ключа в замке входной двери.

Антон? Он вернулся?

Несусь в прихожую. Дверь распахивается, ударяясь о стену...

Глава 11

Аня

Дверь с грохотом распахивается, с силой ударяясь о стену.

На пороге возникают трое: мужчина со шрамом и ещё двое.

— Напрасно ты бегала, красавица, — мужчина со шрамом качает головой. — Только время потеряли.

Я отступаю назад, шаг за шагом, пока не упираюсь спиной в дверной косяк. Пульс стучит в висках, а сердце подскакивает к горлу, бешено колотясь.

— Я... я сама приду. Завтра. Честно, — вру, пытаюсь потянуть время. — Мне некуда бежать, вы же знаете.

Мужчина со шрамом усмехается и делает шаг ко мне.

— Завтра будет поздно. Захар Иванович не любит ждать.

Он достаёт телефон, проводит пальцем по экрану и подносит трубку к уху. Его взгляд, тяжёлый и липкий, ползёт по моему телу снизу вверх.

— Нашли. Понял, — коротко бросает в трубку. Затем он протягивает телефон мне, чуть ли не тыча им в лицо. — Захар Иванович хочет с тобой поговорить, красавица. Возьми. И без глупостей.

Я смотрю на телефон так, словно он причина всех бед в этом мире. Пальцы не слушаются, дрожат настолько сильно, что, кажется, я не смогу его удержать. Но я всё-таки беру трубку и подношу к уху.

В динамике раздаётся приятный мужской голос, который звучит неожиданно спокойно, даже ласково:

— Ну здравствуй, Анечка.

Так разговаривают с детьми, когда хотят их успокоить.

— Я ждал тебя вчера. Ты не пришла. Это меня очень огорчило.

Дар речи покидает меня неожиданно и скорополительно, не позволяя произнести ни слова. Горло сжимается, язык будто прилипает к нёбу.

— Не молчи, девочка. Ты слышишь меня? Понимаешь, что я тебе говорю?

— М-мг, — это единственное, что мне удаётся из себя выдавить. Пытаюсь вздохнуть, но воздух застревает где-то по дороге к лёгким, не давая сделать полноценный вдох.

— Не бойся, милая. Я не причиню тебе вреда, если только ты сама меня не спровоцируешь. Будем считать, что ты не игнорировала мою просьбу. А просто, скажем, запуталась. Да, милая?

Несколько секунд он молчит. И это молчание оглушает сильнее любого самого громкого крика. Оно заполняет собой всё пространство вокруг, забирая возможность шевелиться.

— Я не слышу ответа, Анечка.

— Д-да, — произношу, с трудом разлепив губы.

— Что «да», милая?

— Я запуталась...

— Ничего страшного, милая. Я дам тебе возможность исправиться, — в его голосе нет гнева, но от этого становится ещё страшнее.

Я знаю, что за этой мягкостью скрывается что-то холодное и ужасное.

— Антон у вас? Пожалуйста, не трогайте его.

— А-а-а, братец твой... — Вавилов делает долгую паузу. Я отчётливо слышу, как он шумно выдыхает, сдерживая раздражение. — Сбежал, гадёныш. И тебя бросил.

— Вы знаете, где он? — осторожно интересуюсь.

Сердце, спутанное тревогой за брата, замирает в ожидании.

— Антон? — Захар усмехается, и в его голосе появляется откровенное презрение. — Он уже далеко. И возвращаться не собирается. Его сейчас больше волнует собственная шкура, а не твоя. Так что зря волнуешься, девочка.

Странная лёгкость разливается по телу. Почти нереальная. Даже эти страшные слова «сбежал» и «бросил» уже не причиняют прежней боли, только неприятно отзываются где-то на краю сознания. Сейчас важно только одно — Антон сбежал, и Захар не знает, где мой брат, а значит не покалечит его больше и не убьёт. Антон в безопасности. Пока в безопасности.

— Подумай лучше о себе, Анечка, — продолжает Вавилов. — Будешь хорошей девочкой — и всё у тебя будет. И деньги, и учёба, и жизнь хорошая. Я щедрый. Своё я берегу. И о своём забочусь.

До боли в пальцах сжимаю телефон. Я должна держаться. Должна.

— А если нет? — в груди появляется тупая ноющая боль, но я заставляю себя говорить ровно.

Мужчина смеётся. Тихо. Добродушно. Почти по-отечески. Как будто я сказала что-то смешное. Как будто я и вправду несмышлёный ребёнок, вызывающий своими поступками лишь умиление у взрослых.

— Если нет, — голос Захара становится жёстким, — то ты даже не представляешь, что будет. Я найду тебя, Анечка. Где бы ты ни спряталась. И тогда... Ну, ты умная девочка. Сама догадываешься.

Он замолкает, и я слышу его спокойное, пугающе размеренное дыхание. Вавилов уже всё решил, а мои колебания — всего лишь досадная формальность.

— И брата твоего найду. Так что решай, Анечка. Прямо сейчас. Будешь со мной по-хорошему — получишь всё. Откажешься... Всё равно будешь со мной, но уже с последствиями. Они тебе не понравятся, милая.

Перевожу взгляд на мужчину со шрамом. Его губы беззвучно подсказывают мне: «Соглашайся, красавица». А в его глазах нет злобы, нет насмешки, нет даже похоти. Только странное участие, необъяснимое сочувствие. Он словно знает что-то такое, что может мне помочь. Но не сейчас — позже. И он прав, нужно потянуть время, вызвать доверие, а потом...

Потом я сбегу.

— Я согласна, Захар Иванович. Простите меня.

Слышу, как он улыбается по ту сторону трубки.

— Вот и прекрасно, девочка. Мои люди отвезут тебя туда, где мы встретимся. Не бойся. Я не сделаю тебе больно, если ты не будешь глупить.

Договорив, он сразу сбрасывает звонок.

Я возвращаю телефон его хозяину. Пальцы такие мокрые, что аппарат едва не выскальзывает из рук. Мужчина со шрамом аккуратно забирает его, не коснувшись моей руки, убирает в карман и кивает в сторону двери:

— Поехали, красавица. Не заставляй босса ждать.

Ненавижу это обращение «красавица». Как объект, как вещь, как средство для удовольствия. Но молчу. Не время спорить.

У подъезда ждёт знакомая чёрная машина. Водитель курит рядом, стряхивая пепел на асфальт. Когда мы подходим, он открывает заднюю дверь:

— Садись.

Я безвольно подчиняюсь. Кожа сиденья ледяная. В салоне пахнет табаком и потом. К горлу подступает колючий комок тошноты, а голова кружится от судорожных попыток мозга найти хоть какой-то выход из этой кошмарной ситуации.

— Чего расселась? Двигайся давай, — один из здоровяков грубо толкает меня в плечо, бесцеремонно заставляя отодвинуться от двери, и сам устраивается рядом.

— Полегче, Дима, — вмешивается мужчина со шрамом, уже сидящий на переднем пассажирском сиденье. — Захар не любит, когда его имущество трогают. Руки переломает, если на ней синяки останутся.

Никаких эмоций. Просто предупреждение. Меня трогать нельзя, потому что я — чужая собственность. Ценная. Но всё равно собственность. Осознание этого бьёт наотмашь, сильнее любого кнута.

— Да я ж её чуток подвинул только...

— Ага. Димон, ты шевелись тише, — раздаётся голос третьего мужчины, который садится с другой стороны от меня. — Захар реально за своё барахло горло рвёт.

Теперь я зажата между двумя огромными бандитами, которые точно не позволят мне выпрыгнуть из машины. Да, минуту назад я лихорадочно прокручивала в голове план: дёрнуть ручку, толкнуть дверь, выкатиться на асфальт, как только тронемся. Рассчитывала, что двери внедорожника не будут заблокированы, и я смогу выскочить без препятствий. Разбитые колени лучше, чем то, что меня ждёт. Но теперь между мной и дверью — Димон. И второй. Я даже пошевелиться не могу сейчас.

Боже, я пропала.

Машина плавно выезжает со двора. Мысли бегут в моей голове словно ошалелые муравьи после того, как их муравейник разрушили. Как мне выбраться из этого ужаса?

Сжимаю руки на коленях и запрокидываю голову вверх, упираясь затылком в жёсткую кожаную обивку сиденья. Упрямо сдерживаю слёзы. Не позволю им скатиться по щекам. Не сейчас. Не перед ними.

Антон сбежал, родители исчезли. Я осталась совсем одна. Не знаю, куда меня везут, не знаю, что со мной сделают, не знаю, останусь ли я жива. Уверена только в одном — я не подчинюсь Вавилону. Зная, что брат далеко, не подчинюсь.

Я не стану покорной куклой бандита.

Глава 12

Бес

Вода в душе ледяная. Я стою под ней уже десять минут. Остужаю, блядь, то, что распалилось в штанах. Но хер там — не остывает.

Дурацкая гостиница, дурацкий номер, дурацкая тележка. Дурацкая девка, из-за которой я должен сейчас драть, как пацан в пубертат, потому что не смог взять её. Не захотел брать без согласия.

«А надо было, — ехидничает внутренний голос, — прямо там. На кресле, на полу, на кровати, у стены — плевать где. Надо бы взять, не спрашивая».

Сука. У меня свои принципы. Их я не нарушаю никогда, даже если мир считает меня чудовищем.

Пятнадцать минут я стоял в коридоре, прислонившись к стене, и смотрел на дверь номера. Дурак. Курил прямо перед дверью, прямо в коридоре гостиницы, нервно перебирая пальцами и не обращая внимания на камеры под потолком. Никто не осмелился бы меня остановить. Одна сигарета, вторая, третья... Я не курю так много, даже когда на нервах.

Хотя я вообще не нервничаю. Привык, что всё под контролем. Но контроль дал трещину.

А когда она снова выкатила тележку из номера и врезалась в меня во второй раз...

Блядь.

Я сначала реально подумал — издевается. Провоцирует. Играет в недотрогу, чтобы разжечь интерес.

А потом я посмотрел в её глаза. В них не было игры. Там была паника и почти детская растерянность.

Я решил проверить, кто она. Жёстко схватил её за руку и потянул на себя.

— Ты издеваешься? — прошипел ей.

Девчонка должна была испугаться, заплакать, попытаться вырваться. Вместо этого она прижалась к моей груди и глубоко вдохнула. Мой запах. Это было не кокетство, не попытка соблазнить. Она искала опору. Будто не со мной была, а где-то далеко, и я просто тёплое место, к которому можно прислониться.

Я растерялся, мать его. Реально растерялся, просто завис на минуту, осторожно держа её. А затем встряхнул, чтобы пришла в себя.

— Посмотри на меня, — хрипло потребовал. Отчаянно захотелось увидеть её глаза.

Слегка коснулся нежной кожи на щеке девушки. Она не отшатнулась, только её губы едва заметно дрогнули, выдавая внутреннюю борьбу. Пальцы скользнули вниз, к шее, к пульсирующей венке. Её сердце билось часто и сбивчиво. Но я точно знал, что горничная не боится. Это было другое.

— Ты дрожишь. От холода? Или от меня?

— От вас, — прошептала.

И это «от вас» ударило под дых. Она дрожала не от холода и не от страха. Она дрожала от моего присутствия рядом, от разряда, пробежавшего между нами.

— Правильный ответ, А-ня-я, — сказал ей, прочитав имя на бейджике.

Она вздрогнула. И от этого простого жеста у меня снесло предохранитель. Я хотел поцеловать её. Жадно и грубо впиться в пухлые губы. Хотел прижать к стене, задрать её дурацкую форменную юбку и забыться в этой девочке. Хотел услышать, как она стонет, как шепчет моё имя, задыхаясь от эмоций.

Но я отстранился.

Потому что если бы я этого не сделал — я бы не смог остановиться.

Аня заплакала, даже не заметив этого.

— Не реви. Я не кусаюсь. Пока.

Это «пока» повисло между нами. Я сам его вкинул и сам не понял зачем.

Отошёл от неё, неторопливо снял пиджак, рубашку. Знал: Аня смотрит. Чувствовал её взгляд на своей спине. И мне это нравилось. Я повернулся, давая девчонке рассмотреть шрамы, татуировку. Её глаза округлились, но она не отвернулась. И это возбуждало меня ещё больше.

В голове мелькнула шальная мысль: «А вдруг?»

— Ну, чего застыла? В ванну иди! — бросил ей небрежно, как само собой разумеющееся.

И девчонка послушно шагнула вперёд, но замерла на полпути, решаясь на что-то. В её глазах мелькнула растерянность, а пальцы сжали передник.

— Зачем? — Анин голос дрогнул, но в глазах блеснул вызов.

— Расплачиваться будешь.

Я уже понял, что она не пойдёт дальше. Но хотелось увидеть: сломается или нет. Сделает выбор или позволит обстоятельствам решать за неё.

Аня рванула к выходу. Врезалась в тележку, чуть не упала.

— Можно я пойду? Пожалуйста, — в её глазах, наконец, блеснул страх.

Обломала. Жаль.

— Не попадайся мне больше на глаза. В следующий раз не отпущу, — произнёс жёстче, чем хотел.

Девчонка зачем-то сказала мне: «Спасибо». Смешная. За что спасибо? Ох, знала бы она, какие мысли крутились у меня в голове в тот момент...

Внутри что-то щёлкнуло, как если бы замок открылся. И оттуда, из глубины, где десять лет было пусто, поднялось то, что я похоронил вместе с Ульяной — желание заботиться о женщине, а не просто трахать её.

Выключаю воду. Зря отпустил девчонку. Надо найти. А потом решу, что с ней делать, а значит и мозги себе вправлю обратно. Когда с Вавиловым разберусь.

А сейчас — спать.

Но сон, сука, не идёт. Крутится вокруг меня, виляет, а прицепиться не может.

Внутри всё ещё горит. В паху — тупая, ноющая боль. Эта... горничная. В её глазах не было опыта, не было пошлости. Она смотрела на меня, как на пожар. Боялась, но тянулась. Это бесит. И заводит одновременно. Переворачиваюсь на бок и вспоминаю, как она разглядывала меня, стоя на коленях в той луже...

Сжимаю пальцами переносицу. Хватит.

Вскочив с кровати, быстро одеваюсь: свежая рубашка, брюки, часы на запястье. Выхожу в коридор и спускаюсь на первый этаж. Администратор за стойкой со скучающим видом что-то листает на мониторе. Не та, что была утром. Эта моложе, накрашена ярко.

Завидев меня, она оживает и улыбается такой улыбкой, от которой обычно встаёт. Хорошая девочка.

— Добрый вечер, — она подаётся вперёд, облокотившись на стойку.

— Мне нужна горничная. Аня, — говорю без приветствий. Не трачу время на политесы, когда внутри всё бурлит от нетерпения.

Девушка моргает, и улыбка чуть меркнет, но не исчезает.

— Аня? — переспрашивает, будто проверяет, не ослышалась ли. — Она уже ушла. Её смена закончилась в шесть утра.

Я сжимаю челюсть так, что зубы скрипят.

— Где живёт?

Девка слегка наклоняет голову к плечу, рассматривая меня с новым интересом. Она не спешит с ответом. Играет. Оценивает. Задвинь, красавица. Не по пути сегодня.

— А по какому вопросу? — мурлычет. — Если Аня провинилась, я могу принять жалобу. Передам руководству. Или, если хотите, вызову старшую горничную.

— Нет, — перебиваю, стараясь говорить ровно, без лишней спешки. — Всё в порядке. Наоборот. Хочу поблагодарить за хорошую работу.

Она замирает. Улыбка сползает с лица, а глаза мгновенно становятся холодными. Девка всё поняла. Неправильно, конечно, но поняла главное: я пришёл не жаловаться, а интересоваться другой бабой.

— Если что-то понадобится, — её голос теперь звучит резко, — обращайтесь к администрации. Мы решим любую проблему.

Администратор отворачивается к монитору, давая понять, что разговор окончен.

Я наклоняюсь ближе к стойке и отодвигаю монитор. Девушке становится неуютно, и она инстинктивно отклоняется назад.

— Я не могу разглашать персональные данные сотрудников, это противоречит политике...

— Мне нужен адрес, — обрываю девку на полуслове. — И я получу его.

Мой голос спокойный, но она слышит в нем то, что слышат все, когда я говорю таким тоном. Приказ.

— Служебная информация не разглашается, — лепечет, но голос уже не тот. В нём нет уверенности.

Я подаюсь вперёд ещё ближе, сокращая дистанцию до минимума, и перехожу на «ты»:

— Спрашиваю в последний раз. Если ты не скажешь — я найду сам, но потрачу на это время. А когда я трачу время на то, что можно было решить за минуту, — делаю паузу, давая ей прочувствовать каждое слово, — я злюсь.

Девка сглатывает.

— И тогда страдают люди. Такие как ты, — добавляю тихо.

Девушка бледнеет. Пальцы мелко дрожат над клавиатурой.

— Макарова её фамилия. Живёт где-то на Покровке, недалеко от больницы. Точный адрес не знаю. Правда, не знаю, — она тараторит, заглядывая в мои глаза.

Бросаю короткий взгляд на камеры по углам холла. Достаяю из бумажника визитку и кладу перед девицей.

— Скинь на мой номер данные своей карты — отблагодарю. Щедро.

Она нервно озирается по сторонам, убеждаясь, что рядом никто не трётся, и понижает голос до шёпота:

— Она у нас уже почти два года работает. С тех пор, как её родители исчезли. Уехали и пропали без следа. Аня живёт с братом. После школы практически сразу сюда устроилась, чтобы выжить. А брат... — администратор кривит губы, — брат у неё тот ещё. На её шее висит, все деньги пропивает и проигрывает в казино. Аня одна всё тянет. И ещё готовится поступать в университет. У неё учебники всегда с собой. Архитектором хочет быть.

Она говорит, а я слушаю. Каждое слово врежется в память.

Брат — утырок, родители, видимо, в земле, сама — горничная без гроша. И всё равно смотрела на меня зверёнышем. Хмыкаю сам себе. А могла бы воспользоваться ситуацией, денег попросить. Потом. Я дал бы.

— Ходят слухи, что её родителей уже нет в живых. Грохнули из-за долгов. Да и ей с братом не долго осталось.

С каждым новым словом внутри затягивается какой-то херов узел. У девчонки уйма проблем.

— А сегодня после смены Аня через кухню убегала. Я сама видела. За ней качки какие-то пришли. Их главный, мужик со шрамом на пол-лица, тоже про Аню спрашивал.

Не понял. Мужик со шрамом на пол-лица? Интересно. Зачем она ему?

— Если Аня провинилась, я сегодня же доложу руководству.

— Я сказал: всё в порядке, — раздражённо перебиваю девку. — Я хочу её поблагодарить. Лично.

Администратор резко отворачивается, будто я её оскорбил. В другой раз позвал бы в номер. Но сейчас не до игр.

Первый порыв — позвонить Егору. Преодолеваю его и бросаю короткий взгляд на часы. Скоро встреча.

— Кофе мне в номер. Чёрный. И обед пусть принесут, — команду на ходу, не сбавляя шага.

Поднимаясь в номер, пишу своему человеку: «Анна Макарова. Горничная. Гостиница «Альта» в Ульяновском городе. Срочно».

Я хочу знать о девчонке всё. До последней чёртовой детали.

Глава 13

Аня

Минуты тянутся бесконечно, будто кто-то медленно растягивает их, как прочную резину. Время теряет смысл.

За окном мелькают и остаются позади городские улицы, магазины, школы, прохожие со счастливыми и не очень лицами. Я гляжу в окно и понимаю, что точно также остаётся позади и моя жизнь. Не знаю, куда мы едем, и не спрашиваю. Бесполезно.

Я уже не сжимаю руки на коленях, мои пальцы больше не дрожат, дыхание восстановилось, но это лишь внешняя маска. Внутри всё равно вибрирует едва уловимая тревожная пульсация, а разум всё ещё мечется где-то между прошлым и настоящим, иногда пытается заглянуть в будущее.

В машине тихо. Слышен только ровный гул мотора. Мужчины рядом не смотрят на меня, но их присутствие давит. Знаю, они видят каждое моё движение. Мужчина со шрамом иногда оборачивается и вглядывается в моё лицо. Цепко и изучающе. Складывается ощущение, что он хочет прочесть мои мысли. Или удостовериться в том, что со мной всё в порядке?

Нелепые фантазии. Я никому не нужна. Кроме, видимо, Вавилова.

А я думаю о том постояльце в номере. Кажется, даже запах его слышу. Гадаю о том, что было бы, если бы я пошла в ванную. Что он сделал бы? Взял бы меня силой? Или снова отпустил? И почему меня это волнует? Я не знаю его имени, никогда больше не увижу. Но от одной мысли о его руках на моей шее внутри всё переворачивается. Нет, не от страха. От чего-то такого, что я боюсь назвать, что рвётся наружу, заставляя сердце сжиматься в приступе необъяснимой тоски.

И я жалею. О том, чего не произошло. И не произойдёт уже. Хотя откуда я могу знать, что могло произойти? У меня нет опыта общения с мужчинами. Совсем. Парни были в школе, конечно. Но это было лишь дружеское общение. Я всегда пресекала любые попытки сблизиться. Так бабушка учила: сначала учёба, а потом любовь.

Бабушка... Как же мне не хватает её. Возможно, я не вляпалась бы так, будь она со мной. И с братом.

Почти незаметно улыбаюсь, вспомнив, как она меня обнимала. Сердце скукоживается до размера песчинки. А затем резко увеличивается, ударяясь о ребра с новой силой. Захар. Я не хочу, чтобы он стал моим первым. Ни разу не видела его, но не хочу.

Интересно, если бы тогда в номере я всё же пошла в ванную, тот мужчина смог бы защитить меня? Глубоко вдыхаю и чувствую, как в груди стягивается болезненный узел.

Глупая. Он бы не стал меня защищать. Он бы просто... Ох, о чем я думаю? Он такой же. Наверное. Но почему тогда он отпустил меня?

Машина резко дёргается и замирает, а я не успеваю среагировать и ударяюсь лбом о жёсткую спинку переднего сиденья.

— Приехали, красавица, — низкий голос мужчины со шрамом звучит приговором для смертника.

Морщась, я поднимаю голову и потираю ладонью лоб. Мы стоим перед центральным входом в огромное здание. Я никогда здесь не была. Это какой-то бизнес-центр: стекло, бетон, тёмные окна, охрана у дверей, вывеска с названием, которого я не запоминаю.

Мужчина, сидящий справа от меня, распахивает дверь и покидает машину.

— Выходи, — он протягивает мне руку.

Я игнорирую этот жест. Вежливости? Нет, контроля.

Пытаюсь выбраться сама, но движения получаются заторможенными, неуклюжими, слишком медленными. Мужчина теряет терпение. Он резко наклоняется, грубо хватая меня за предплечье и вытаскивает наружу.

— Давай, я сам, — мужчина со шрамом отталкивает того, кто только что вытащил меня из машины, и перехватывает мою руку, жёстко, но уверенно сжимает под локтем.

Он ведёт меня ко входу в здание, кивает охране, и те молча расступаются. Ноги слушаются плохо, но я иду. Мужчина не спешит, подстраивается к моему шагу.

— Не чуди, красавица, — шепчет мне на ухо перед самой дверью, убирая выбившуюся из-под шапки прядь моих волос, — ты слышишь меня, девочка? Не чуди.

Внутри — просторный холл: дорогая блестящая плитка на полу играет бликами, вдоль стен выстроились крупные напольные горшки с пышными цветами и плетёными ивами в форме вазы, охрана стоит у металлоискателя. Чисто, светло, даже уютно. Охранники скользят по мне равнодушным взглядом, здороваются с моими сопровождающими. Мы направляемся к лифту, а вокруг снуют туда-сюда сотрудники: суетятся, спешат, переговариваются, смеются. Обычный рабочий день. Для всех. Кроме меня.

Лифт останавливается на пятом этаже. Мы шагаем по длинному коридору. Дорогой ковролин под ногами приглушает шаги. Останавливаемся у тяжёлой двустворчатой двери из тёмного дуба с золотистой ручкой из полированной латуни.

— Заходи, — мужчина со шрамом толкает дверь и жестом пропускает меня вперёд.

Несколько секунд я топчусь на месте, пытаюсь оттянуть неизбежное. Глубокий вдох, прерывистый выдох, лёгкий толчок в спину горячей мужской рукой, и я переступаю порог.

Приёмная большая, светлая, но роскошь здесь показная, безвкусная, как всё, что принадлежит людям, которые хотят казаться богаче и важнее, чем есть.

Стены обиты тёмным деревом, мебель массивная, коричневая. На полу — ковёр с длинным ворсом. В углу — кожаные чёрные диваны, низкий столик между ними с глянцевыми журналами. Наверное, для тех, кому приходится ждать аудиенции.

У окна стоит секретарский стол без секретаря. Только разбросанные на нем документы и чашка с остывшим кофе говорят о том, что сотрудник просто вышел.

Все детали интерьера устарели, но кричат о власти и силе хозяина.

Мне не нравится здесь. Всё рассчитано на то, чтобы подавить, запугать, заставить почувствовать себя ничтожным. Хочется испариться, телепортироваться, неважно куда, но подальше отсюда. Ох, ещё этот сладковатый, приторный запах... Духи? Освежитель воздуха? Не знаю. Меня тошнит.

Впереди ещё одна дверь с табличкой: «Генеральный директор». Мой взгляд упирается в чёрные буквы на золотом фоне, и сердце срывается вниз.

За этой дверью — он.

Я делаю шаг к двери и останавливаюсь. Мужчина со шрамом больше не толкает меня. Он замирает у меня за спиной. Ждёт.

— Входи, — тихо командует он. — Не заставляй ждать.

Ноги не двигаются.

— Не стесняйся, красавица. Не маленькая уже, — раздаётся за спиной.

До крови прикусываю губу, сжимаю холодную ручку двери и открываю. Дверь бесшумно распахивается.

Кабинет огромный. Слишком огромный для одного человека. Или мне это только кажется? Не имеет значения. Я не рассматриваю помещение. Всё моё внимание сейчас сосредоточено на массивном дубовом столе, за которым сидит мужчина.

Захар.

Он неторопливо пьёт кофе и одновременно изучает документы, лениво переворачивая страницы. Справа от него, чуть склонившись над столом, застыла красивая девушка в строгом костюме и с планшетом в руках. Она что-то тихо поясняет мужчине.

Я останавливаюсь посередине кабинета. Минута. Две. Пять. Захар не обращает на меня внимания, будто меня и нет здесь.

Он подписывает бумаги, разговаривает с девушкой, отдаёт ей распоряжения. Его голос мягкий, бархатный, спокойный.

А я всё стою. Десять минут. Может, больше. Я не считаю. Просто жду.

Переступаю с ноги на ногу и невольно оборачиваюсь: мужчина со шрамом стоит за спиной. Он прикладывает указательный палец к губам. Смешной. Словно бы без его подсказки я вдруг начала бы возмущаться или топтать ногами. Да я готова сутки так стоять, молча, только бы Вавилов и дальше меня не замечал.

Не знаю, сколько ещё проходит времени, но, наконец, он поднимает голову и делает едва заметный кивок девушке. Она выходит.

Захар откидывается на спинку кресла и изучает меня. Его взгляд неспешно проходится по моему лицу, по шее, по телу вниз и снова вверх. Хочу отвернуться. Но я не двигаюсь, не отвожу глаз. Смотрю прямо на мужчину. Я представляла его другим — толстым, сморщенным стариком.

А он красивый. Не ожидала. Правильные черты лица, тёмные волосы с лёгкой сединой на висках, уложенные идеально. Глаза тёмно-карие с длинными пушистыми ресницами. Полные чувственные губы, искривлённые в ехидной усмешке. Он высокий, широкоплечий, в идеально сидящем дорогом костюме. Даже начинающаяся полнота не портит его. Ему лет пятьдесят. Может, чуть больше, или меньше. Вавилов похож на успешного бизнесмена, на актёра из дорогого фильма, на важного политика, на кого угодно, только не на бандита. И это пугает больше всего.

Зачем я ему? Очевидно же, женщины сами прыгают в его постель. Должно быть, даже влюбляются в него.

Вавилов улыбается, демонстрируя ровные белоснежные зубы. Он склоняет голову к плечу, ловит мой взгляд и удерживает его. А дальше происходит то, от чего внутри меня мгновенно разрастается вечная мерзлота.

— Раздевайся, Анечка, — его голос всё такой же мягкий и спокойный, — хочу посмотреть, что купил.

Глава 14

Аня

Я верчу головой так отчаянно и резко, что перед глазами летают мушки. Отступаю назад, но тут же упираюсь спиной в твёрдую грудь мужчины со шрамом. Ноги скользят вперёд, я почти падаю, но сильные руки вцепляются в плечи, удерживая меня на месте.

— Я не буду, — выплёвываю, с вызовом глядя в глаза Вавилову.

Голос дрожит и срывается, но я заставляю себя не отводить взгляд. Мне кажется, что если я перестану это делать, то Вавилов набросится на меня, как зверь, не отрывающий взгляда от добычи.

Захар медленно поднимает брови. В его глазах разгорается интерес, как если бы он наткнулся на что-то неожиданно любопытное.

— Ошибаешься, — говорит Вавилов. — Давай шустрее, не трать моё время зря.

— Вы не имеете права! Я...

— Понятно, — он перебивает меня. Мягкость в его голосе испаряется, уступая место жёсткой, стальной интонации. — Воспитывать придётся, значит.

Захар кивает. Мужчина со шрамом отпускает меня и выходит из кабинета. А через несколько минут возвращается в сопровождении двух громил с массивными фигурами и тяжёлыми взглядами.

— Надо было самой, красавица.

Эти двое громил хватают меня за плечи, за руки, вжимают в себя. Я дёргаюсь, бьюсь, кручусь, изворачиваюсь, пытаюсь вырваться. Бесполезно. Они сильнее. Намного сильнее.

— Не трогайте меня! — кричу им, срывая голос.

До хрипоты, до саднящей боли в горле.

— Отпустите!

Они действуют быстро и слаженно. Куртка, свитер, джинсы, кроссовки — всё слетело с меня за какие-то секунды, прежде чем я поняла, что стою в одних трусиках.

Чья-то грубая рука скользит по спине, опускается на бёдра и дёргает резинку.

— Нет! — визжу, извиваясь всем телом, и вгрызаюсь в руку держащего меня мужчины.

На мгновение он отпускает меня. Я отскакиваю в сторону, но бежать некуда. Сталкиваюсь взглядом с мужчиной со шрамом. Он кривит губы в подобии ухмылки. Его глаза будто говорят мне: «Я же предупреждал тебя».

Тот громила, которого я укусила срывается в мою сторону. Его пальцы впиваются в моё предплечье, и мужчина толкает меня к Захару. Я едва удерживаюсь на ногах, спотыкаясь и теряя равновесие. Мужская рука тянется к моим трусикам.

— Хватит. Сама снимет. Потом, — Захар, смеясь, щёлкает пальцами.

Холодные мужские ладони исчезают с моего тела.

Впервые в своей жизни я стою практически голая перед мужчинами. Четырьмя. Щеки горят адским пламенем. Вскидываю руки, чтобы прикрыться. Но двое мужчин хватают меня за плечи и за запястья, не позволяя двигаться. Опускаю голову вниз, волосы падают на грудь, прикрывая её, ноги прижимаю одну к другой. Всхлипываю, потому что не могу больше контролировать себя. Горячие капли падают на босые ступни.

Бабушка говорила: «Покажешь тело мужчине до брака — он потеряет к тебе уважение». Какой брак? Какое уважение? Меня даже за человека не считают. Я кукла для удовлетворения похоти.

— Мои приказы выполняют сразу или терпят наказание. Ты выбрала второе, Анечка.

Захар встаёт и подходит ко мне. Я чувствую его прерывистое дыхание и противный запах табака. Его палец скользит по груди, задерживается на горошинке, обводит её по кругу. Движение издевательски неторопливое, вызывающее острое желание помыться.

— Красивая, — слышу его мерзкий голос. — Подними голову. Глаза на меня.

Не успеваю подчиниться — меня хватают за волосы и дёргают назад, вынуждая смотреть на Захара. Он бесцеремонно разглядывает меня, оценивает, как вещь. Его взгляд ползёт вниз по шее, по груди, по животу, по бёдрам. Медленно. Плотно. Задерживается между ног. Крепче сжимаю их.

— На колени, — хрипло бросает Вавилов то ли мне, то ли своим здоровякам.

Мужчины швыряют меня вперёд. И я падаю на колени у ног Вавилова. Резкая боль в суставах заставляет меня вскрикнуть. Не хочу на него глядеть больше. И не буду.

Захар наклоняется и запускает руку в мои волосы. Мужские пальцы сжимаются у корней, дёргают вверх, задирая голову. Сквозь влажную пелену его лицо расплывается.

— Послушай меня, Аня, — он вглядывается в мои глаза сверху вниз, и его голос звучит обманчиво спокойно.

Вавилов делает едва заметный знак рукой. Я слышу, как шаги других мужчин удаляются, а затем дверь тихо щёлкает. Захар всё ещё держит меня за волосы. Не больно, но если потянет, то будет больно.

— Ты сейчас извинишься, — Захар произносит это так, как если бы объяснял ребёнку элементарные законы мироздания. — И будем считать, что ты меня не расстраивала. Поняла?

О, боже! Никогда не видела таких тёмных и пустых глаз.

— Я тебя отблагодарю, если будешь хорошей девочкой, — продолжает он. — Деньги. Подарки. Учёба. Всё, что захочешь. Я умею быть щедрым. И нежным, Аня, я тоже могу быть. Стирает слёзы с моей щеки.

— И брата твоего искать не буду.

Я перестаю чувствовать биение своего сердца.

— Он сбежал, — шепчу Вавилову.

— Найду, — Захар улыбается. Широко, красиво, почти по-доброму. — Если захочу. Всё зависит от тебя, Аня.

Мужчина продолжает разглядывать меня. Зажмуриваюсь. Я знаю, он не врёт и найдёт Антона. А потом... С трудом сглатываю, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Ну? — голос Захара становится раздражённым, к нему возвращаются жёсткие нотки. — Я жду.

— Простите, — выдавливаю сквозь зубы.

— Плохо. Нет искренности, Аня. Не верю.

Вздыхаю до боли в лёгких и открываю глаза.

— Пожалуйста, простите меня. Я не хотела вас расстраивать, — молю его взглядом, стараюсь говорить дрожащим голосом.

Со своей гордостью я разберусь позже. Сейчас не время для её истерик.

Захар несколько секунд изучает меня, словно оценивая правдивость слов. Затем его лицо смягчается.

— Умница, — довольно хмыкает и гладит меня по голове. Его пальцы путаются в волосах, слегка оттягивая их и причиняя лёгкую боль. — Я знал, что ты понятливая.

Вавилов отстраняется от меня и тянется к своим брюкам. Широко распахнутыми глазами я только сейчас замечаю, внушительный бугор в области паха мужчины. Пряжка ремня звякает металлическим звуком, молния со скрежетом ползёт вниз.

— А теперь расслабь меня, Анечка.

Я не понимаю. Смотрю на него, лихорадочно пытаюсь осознать, что он от меня хочет. Как я могу его «расслабить»? Мысли путаются, в груди нарастает паника.

Вавилов цокает языком, поворачивая голову влево и достаёт... Этот свой... бугор.

— Приступай.

Я не могу ни пошевелиться, ни вздохнуть. Так и замираю, рассматривая эту его... штуку.

— Я... — шепчу. — Я не умею. Пожалуйста, не надо.

Захар сводит брови к переносице, его губы дёргаются вверх.

— Опа! Что, правда, целка? Значит, Антон не соврал? Это интереснее...

В его глазах вспыхивает странный, пугающий блеск. Мужчина снова хватает меня за волосы, дёргает с такой силой, что голова запрокидывается, а шея болезненно вытягивается.

— Просто открой рот.

Пол под коленями ледяной. Холод проникает в кости, поднимается выше. Может, это хорошо. Может, я просто замёрзну и перестану чувствовать?

— Твою мать, Аня! Мне долго ждать?

Внутри поднимается что-то горячее и быстрое.

Я не думаю. Я решаю.

Мелькает последняя осознанная мысль: его люди могут меня избить. Могут убить. Могут сделать ещё хуже. Но если я проглочу его вонючий... орган — я перестану быть собой. Я стану вещью, которую можно купить. А я не продаюсь.

Резко вскакиваю с колен. Рука летит вперёд сама. Ногти впиваются в его лицо. Глубоко. Я чувствую, как рвётся его кожа, и кровь выступает под моими пальцами.

— Никогда, — шепчу ему в лицо.

Вавилов отбрасывает меня в сторону с такой силой, что я налетаю на стоящий в углу сейф и больно ударяюсь боком.

— Сука, блядь! — он орёт, хватаясь за лицо.

Кровь течёт по его пальцам, по подбородку, капает на рубашку.

Он смотрит на свои окровавленные пальцы, затем переводит взгляд на меня. В его глазах гуляет чистейшая ярость. Настоящая. Животная.

— Дряннь малолетняя! Я тебе устрою такой «первый раз»... — рычит сквозь зубы. — Никогда не забудешь.

Он делает шаг ко мне, заносит руку для удара. Я всем телом вжимаюсь в ледяной металл сейфа. Мне некуда бежать.

Наверное, он победил.

Наверное, я не смогла.

Наверное, я умру потом.

И в этот момент дверь с грохотом распахивается, врезаясь в стену.

— Какого хрена! — орёт Вавилов, даже не оборачиваясь. — Я занят, не видишь?!

— У нас проблемы, Захар, — голос незнакомца звучит встревоженно. — Бес в городе. Из гостиницы только-что доложили.

Кажется, Вавилов на некоторое время теряет способность разговаривать.

Бес. Кто это? Странное имя. Я никогда о нём не слышала. Но Захар его боится. Боится так, что забыл обо мне.

— Зачем он припёрся? Догадывается? Или уже знает? — Вавилов с трудом приходит в себя.

— Пока не ясно. Но по любому надо решать, что делать. — Мужчина бросает короткий взгляд на меня, — девок потом будешь пользоваться. Хорошая девка, кстати. Поделишься?

Под этим коротким, но тёмным мужским взглядом, я вспоминаю, что стою в одних трусиках. Прикрываюсь руками и сползаю на пол, подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками.

Захар переводит взгляд с незнакомца на меня и обратно.

— Посмотрим, как зайдёт, Макар. Раз Бес не объявился тут, будем делать вид, что не в курсе о его визите.

В кабинете повисает тишина. Захар стоит, прижимая ладонь к лицу, кровь сочится между его пальцев. Макар застыл в дверях, размышляя.

Через минуту Вавилов бьёт кулаком в стену. Я вздрагиваю.

— Сука! Как не вовремя всё. Почти отправили товар уже. Может по другому делу заехал?

— Если знает, то у нас крыса завелась, Захар, — незнакомец пожимает плечами.

— Сиди тут, — бросает Вавилов мне, — вернусь — закончим. И не смей одеваться.

Глава 15

Аня

Несколько минут я сижу на полу неподвижно и гипнотизирую закрытую дверь. Прислушиваюсь. Только, кроме стука собственного сердца и крови в висках, ничего не могу разо-

брать. Облизываю пересохшие губы. В голове появляется навязчивая идея: выпить клюквенного морса из деревенского погреба.

Боже! Какой морс? Тут бы выбраться как-то!

Придерживаясь рукой за сейф, осторожно встаю. Колени трясутся, но я держусь. Выставляю руки перед собой и разглядываю ладони. Под ногтями застряла кровь. Его.

Да-а-а... Этот Вавилов — настоящий кабан. Столько крови вылилось... Или это я от испуга кусок мяса от него оторвала? Ой, мамочки... Плохо помню, как это всё произошло.

Он меня точно прибьёт, если я не сбегу. Хотя как тут сбежишь? Пятый этаж. Охрана за дверью, охрана внизу, окна, скорее всего, заблокированы, толпа сотрудников, которые готовы на всё ради премии. Да ещё и дверь в кабинет, наверное, заперта. Хмыкаю и глубоко вздыхаю. Тут же, скривившись от острой боли, хватаюсь за правый бок и сгибаюсь пополам.

Через несколько секунд осторожно выпрямляюсь, стараясь дышать поверхностно. Осматриваю себя: справа под грудью расплзлось тёмно-бурое пятно, подпухающее прямо на моих глазах. Этого ещё не хватало. Медленно озираюсь, разглядывая помещение, ставшее для меня клеткой. Выход только один — дверь.

Кряхтя, поднимаю с пола свою одежду, вернее то, что от неё осталось. Бюстгальтер разорван почти пополам — уже не надеть. Джинсы порваны вверху, свитер растянут и перекошен, но я натягиваю их на себя. Куртка осталась целой, надеваю и её. Шапку нигде не могу найти. Да, и ладно. Искать нет времени.

Подхожу к двери. Аккуратно, едва касаясь, поворачиваю ручку — дверь не заперта. Осторожно приоткрываю её на несколько сантиметров. В приёмной сидит только секретарь. Она что-то сосредоточенно печатает и, поглощённая работой, не смотрит в мою сторону. Охраны нет. Ушли с Вавиловым? Или просто вышли?

Дверь приёмной не заперта полностью. Вглядываюсь в эту небольшую щёлочку, ведущую к свободе. Коридор пустой, дальше — спасительные лифт и лестница.

Но если я сейчас выйду, то девушка меня увидит и обязательно вызовет охрану.

Я закрываю дверь и прижимаюсь к ней спиной.

Что же делать? Мне нельзя здесь оставаться.

Мой взгляд растерянно скачет по кабинету: стол Захара, бар, шкаф, сейф, диван, вешалка, стены, окна...

Ничего. Абсолютно ничего полезного.

Подбегаю к окну. Не открывается. Но я всё равно вглядываюсь в пространство за ним: прямо, вниз, вверх, влево, вправо. Это тупик.

Взгляд снова падает на стол. На нём небрежно разбросаны бумаги, ручка, чашка с недопитым кофе, пачка сигарет. И что-то маленькое серебристое поблёскивает у края.

Зажигалка.

Быстрая и совершенно безумная идея врывается в мой мозг.

Я беру эту зажигалку в руки, палец автоматически опускается на колёсико. Разглядываю бумаги на столе. Если я это сделаю, то будет пожар. Могут погибнуть люди. И я сама.

А могут и не погибнуть.

Но если я не сделаю этого, не попытаюсь, то не выживу точно. Потому что быть вещью — не жизнь.

Кручу колёсико, пламя вспыхивает мгновенно.

Я подношу огонь к документам на столе. Они загораются сразу же. Края чернеют, скручиваются, пламя жадно перекидывается на следующий лист, на следующий, на следующий. Поджигаю кожаное кресло. Бросаю горящие листы на пол, кидаю на диван, швыряю в шкаф. Огонь ненасытно пожирает всё. Он разрастается с пугающей скоростью.

Я не думала, что будет так быстро. Жар бьёт в лицо, дым застилает глаза. Начинаю кашлять, закрываю лицо рукавом куртки. Отступаю к двери и прячусь за ней, вжавшись в стену.

Жду.

Через несколько секунд тишину разрывает резкий пронзительный звук, режущий уши — сработала пожарная сигнализация.

За дверью вскрикивает секретарь, роняет стул.

Грохот. Быстрые шаги. Голоса в коридоре.

— Пожар! На пятом!

— В приёмной!

— Да выключите сигнал уже!

— Огнетушитель!

В приёмную влетают охранники. Я не вижу, только слышу их тяжёлое дыхание и резкие команды.

— Звони в пожарку!

— В кабинете важные документы! — это уже кричит девушка-секретарь.

— Вали отсюда, — жёстко приказывает ей мужской голос.

Они врываются в кабинет. Я крепче прижимаюсь к стене за дверным косяком. Они не видят меня. Пламя уже поднялось выше. Дым становится чёрным и густым. Он ест глаза, дерёт горло. Я выбегаю в приёмную, пытаюсь сдержать кашель, зажимаю рот, но звук всё равно вырывается. Глаза слезятся, дышать нечем.

Кашляю, задыхаюсь, но бегу к лестнице, потому что лифт — это ловушка.

— Где она? — доносится знакомый голос мужчины со шрамом, — ищите!

Вылетаю на лестницу и несусь вниз, хватаясь за перила, перепрыгивая через ступеньки, ударяясь о стену на поворотах. Здесь многолюдно. Сотрудники пыхтят сзади меня, обгоняют, толкаются, кричат. Второй этаж. Первый.

В холле также бегают люди, кто-то кричит, кто-то звонит, но я рада этой суматохе. Никто не смотрит на меня, никто не замечает. Турникеты открыты. Охраны нет на посту. Выскакиваю на улицу вместе с толпой. Холодный ветер впивается в лицо и не даёт вздохнуть. Ноги подкашиваются, я падаю на колени и хватаю воздух ртом. Горло скребёт, слёзы текут, тошнит, но я дышу. Дышу. Дышу.

Собравшись с силами, поднимаюсь и бегу прочь отсюда, минуя паникующих людей, приехавшие пожарные машины, мечущихся прохожих.

Что я натворила? Только бы никто не пострадал! Я не хотела никого убить. Я хотела только выжить. И сквозь эти угрызения совести пробивается, как солнечный лучик, чёткая, вселяющая надежду мысль: «Зато у меня появился шанс».

Я бегу на вокзал, не чувствуя ног, не чувствуя холода, не обращая внимания на боль в ушах от ветра. Мне нужно уехать, спрятаться, исчезнуть из этого города, затеряться.

На вокзале иду сразу к платформе. Автобус до Москвы уже стоит. Вхожу в салон, но дорогу преграждает водитель.

— Билет, девушка, — говорит он.

Сердце ухает вниз. У меня нет денег. Ни копеечки.

— Пожалуйста, — шепчу ему, сквозь прорывающиеся слезы, — мне нужно уехать. Я потом заплачу. Я... я заплачу, обещаю.

Он внимательно изучает меня. Задерживается на порванных джинсах, на растянутом свитере, которые видны сквозь расстёгнутую куртку, на лице, наверное, красном и распухшем от дыма, на растрёпанных волосах, которые липнут к влажным щекам. Наверное, я сейчас похожа на бездомную, ну, или ещё на кое-кого...

Секунды тянутся бесконечно.

— Садись, — наконец разрешает водитель. — Потом разберёмся.

— Спасибо вам.

Я занимаю одиночное место у окна в середине салона. Без вещей, без денег, без прошлого, только с твёрдой уверенностью в том, что после любой непогоды из-за туч всегда выходит солнце. Так и в жизни: после самой тёмной ночи всегда наступает рассвет. Откидываюсь на спинку и упираюсь глазами вверх. Нужно просто дождаться, когда всё в моей жизни распогодится.

Через пять минут автобус трогается. Уже полностью стемнело. Я смотрю сквозь запотевшее окно на родной город, медленно уплывающий назад, на его огни, на дома, на людей, спешащих к семьям. Хочу оставить в памяти как можно больше воспоминаний, потому что я не вернусь сюда никогда.

Снова кашляю, дым всё ещё хозяйничает в лёгких, царапая изнутри. Через три часа я буду в Москве. Переночую на вокзале, а утром пойду в университет к Аркадию Борисовичу. Он обещал помочь устроиться в Москве. Его визитку я потеряла, но запомнила название учреждения образования. Теперь придётся ждать его возле универа. Знаю, что подставляю мужчину. Но у меня нет другого выхода.

В памяти всплывают слова профессора: «Если вдруг вам посчастливится оказаться в столице нашей Родины, не обессудьте — навестите старика». Посчастливится... Горькая усмешка касается губ. Вряд ли мой побег можно назвать счастливым.

Автобус выезжает за город. Я сбежала. Истеричный смех подкатывает к горлу, но я не выпускаю его наружу.

Я свободна.

Но почему-то вместо радости внутри звенит пустота. И в этой пустоте снова возникает его лицо. Я никогда больше не увижу того мужчину. И почему это причиняет боль? Наивная. Я даже не знаю его имени. А он уже забыл меня.

Конечно, забыл.

Автобус слегка покачивает, ровный гул мотора убаюкивает. Некоторые пассажиры уже дремлют, водитель слушает что-то по радио. Я прислоняюсь к холодному стеклу, вдыхаю морозный воздух, просачивающийся сквозь крохотную щель в стекле. Прикрываю глаза.

Мы почти доезжаем до Москвы, когда из темноты появляются три чёрных внедорожника. Они едут позади и оглушительно сигналият. Две машины обгоняют автобус и вылетают вперёд. Затем с визгом тормозят, выпуская клубы дыма из-под колёс, и перекрывают дорогу, застыв поперёк неё.

Автобус дёргается и резко останавливается. Третий внедорожник застывает позади. Меня бросает вперёд с такой силой, что я ударяюсь о спинку переднего сиденья. В салоне раздаются испуганные возгласы, дети начинают плакать.

— Что за выродки... — ругается водитель.

Он нервно крутит головой, глядя то в лобовое стекло, то в зеркало заднего вида.

— Да что им нужно?!

Глава 16

Бес

Телефон противно вибрирует на тумбочке. Звук почти на минимуме, но всё равно долбит по нервам, отдаётся в барабанных перепонках тупой пульсацией. Хочется стиснуть зубы и смять этот гаджет в кулаке.

— Слушаю.

— Ты где? — голос Егора кажется спокойным, но я знаю эту интонацию. Он злится.

— В «Альте». Хотел вырубиться хотя бы на пару часов, но...

— Не вышло? — в его голосе прорезается едкая усмешка. — Ты там в порядке?

— В полном.

— Говорить можешь? — на фоне слышу шум мотора.

Ко мне едет? Тогда какого чёрта звонит?

— Для тебя — всегда, — задерживаю взгляд на парковке перед гостиницей.

Пара чёрных седанов в дальнем углу вызывают подозрение. — Но если ты забыл, у меня через полчаса встреча с...

— Отменяется, — Егор перебивает, — Вадим, я не могу вырваться к тебе. Захар... блядь, этот мудака устроил цирк.

Плотно задёргиваю шторы и отступаю вглубь номера, туда, где меня не достанут даже снайперы с соседней крыши.

— Новая игрушка у него, — Егор выдыхает, и в его голосе сквозит что-то похожее на сожаление. — Горничная из местной гостиницы. Кабинет ему спалила. Рожу расцарапала в мясо. Теперь бегают, а я её ищу.

Невольно улыбаюсь, представляя физиономию Захара в тот момент, когда девчонка вцепилась ему в морду. В следующую секунду улыбка гаснет, а сердце сжимается, будто прижатое булыжником.

— Горничная из «Альты»? — спрашиваю ровным голосом. — Аня?

— Да-а-а, — Егор тянет удивлённо. Я слышу, как он переключает передачу. — Встречались?

— Номер мой убирала, — цежу сквозь зубы. — Говорю же: выпастись хотел, а тут эта...

В памяти вспыхивает утренняя встреча: тележка, летящие бутылки, зелёная лужа. И она. На коленях, мокрая, растерянная. Поза такая, что внизу всё сразу каменеет. Мысли сами собой съезжают в сторону инстинктов. Животных, блядь, инстинктов. Ни грамма контроля.

Расстёгиваю ворот рубашки.

Чёрт!

Тянет к этой мелкой горничной, как магнитом. И это мне ни разу не нравится.

— Что зацепила девочка? — Егор спрашивает со спокойным любопытством человека, который уже всё понял.

— Ничего особенного, — пожимаю плечами. — Для разнообразия сгодились бы.

— Аа-а, — ухмыляется в трубку. — Ну, если для разнообразия, то определяйся быстрее, если не хочешь пользоваться её после Захара. Девчонка с характером — устроит ещё сюрпризы Вавилову. Пару дней повозится с ней, пока сломает или силой возьмёт. Но долго терпеть не станет.

Сжимаю челюсти так, что зубы скрипят, и со всей дури пинаю стул. Треск дерева разносится по номеру. В висках монотонно стучит.

— О-о-о, ничего особенного, говоришь? — в голосе Егора звучит явная издёвка.

Я молча прожигаю глазами стену перед собой. Если бы Егор стоял сейчас рядом, я бы... Хер с ним. Он прав.

— Ладно, твоё дело, — Егор выдыхает, — Захар осторожничает. Точную дату приезда гостей пока не знаю. Товар отправляют завтра. Вероятно, и гости будут завтра. Про тебя Вавилов уже в курсе. Так что жди сегодня посетителей.

— Понял. Нам нужны не только его местные партнёры, но и зарубежные каналы, — напоминаю.

— Это уже твои проблемы, — Егор не спорит, утверждает. — Я к Вавилову внедрился, инфу тебе слил, своими людьми помогу. А дальше — я пас.

Он замолкает, тяжело дышит, что-то обдумывая.

— Как там мои? — его голос становится тише, тоскливее.

— Твои в порядке. А что с тобой будет, когда вернёшься — не знаю. Ника обещала тебя... В общем, от неё сам узнаешь.

Хмыкаю, пришла моя очередь поддеть.

— Твою мать, Вадим, — Егор взрывается. — Ты что, её не предупредил?

— А зачем? — почти смеюсь. — Тогда я сам получил бы по шее, а так... Милые бранятся — только тешатся.

— Сука ты, Вадим! Ника считает, что я просто слинял от неё?

— Не нагнетай. Помирись. А вот я был бы уже трупом, узнай Ника, куда ты с моей подачи делся. Ты же знаешь её.

Я чувствую его ярость даже через километры.

— Ну, ничего, рассчитаемся, — цедит он. — Ты, кстати, все равно огребешь ещё от неё.

— Ага, — мой голос становится жёстким. — Ты за девчонкой приглядывай. Я заберу её у Захара.

— Чего сразу себе не оставил? — бросает раздражённо.

— А хрен его знает.

И это правда.

Я не должен думать о какой-то смазливой девке. Их сотни. Тысячи. А у меня — дела, Захар с его гнилью. Я приехал в этот город, чтобы уничтожить Вавилова.

— Девчонку жалко, — Егор устало вздыхает. — Досталось ей. Брат её, лох, проиграл...

— В курсе, — резко перебиваю. — Не надо мне это в уши лить.

Не хочу слушать, то, что и так знаю. Иначе — сорвусь. Прямо сейчас сяду в машину, поеду к Захару и разнесу всю его шоблу к херам.

— Даже так? — Егор снова ехидничает. — Пробил уже, значит. Так, может, выдернуть её?

— Это собьёт план, — возражаю, хотя внутри бурлит лава. — Захар начнёт дёргаться. Пусть пока тешится.

«Тешится». Какое грёбаное слово.

На несколько секунд перед глазами кадрами немого кино мелькнули руки Вавилова на ней и она под ним. Моргаю, картинка не уходит. Зубы сами сжимаются так, что ноет челюсть.

— Уверен? — Егор давит.

Нет.

Блядь, нет.

Зарываюсь рукой в волосы.

— Просто присматривай, — говорю глухо, с нажимом. — Чтобы не покалечил.

Егор молчит. Секунда, две, пять.

— Хорошо, — наконец отвечает. — Присмотрю. Но ты, Вадим, решайся быстрее. Потому что если Вавилону надоест с девчонкой возиться раньше, чем ты приедешь... Я не смогу помочь, не спалив себя.

— Так тому и быть, Егор. Запомни, Захар — в приоритете. Но если дойдёт до крайности...

— Принял, — Егор обрывает меня. — Всё, не могу говорить.

В трубке раздаются короткие, резкие гудки — связь оборвалась. Номер тонет в тишине. Только дождь за окном и моё тяжёлое, рваное дыхание разбавляют эту пустоту.

Что, блядь, происходит со мной?

Из-за какой-то девки готов был послать всё к чертям.

Дурак я.

Сажусь в кресло и, откинув голову на спинку, закрываю глаза, пытаюсь думать о деле.

Куда там, мать его!

Под веками плывёт она. Раскрасневшиеся щёки. Губы, искусанные в кровь. И этот взгляд — испуганный, но не сломленный. Она зовёт, манит, становится в такие позы... Мать моя...

— Блядь, — провожу влажной ладонью по лицу.

Рывком вскакиваю и подхожу к окну. Раздвигаю шторы ровно настолько, чтобы видеть парковку. Чёрные седаны всё ещё там. Ждут. Думают, что я не замечаю.

Наивные кретины.

Я замечаю всё. Каждую тень. Каждую тачку. Каждого мудака, который пялится в мою сторону дольше трёх секунд.

Но сейчас мне плевать на них.

Плевать на Захара.

Плевать на план, который я выстраивал четыре месяца.

Потому что тело предаёт мозг, выбивает его из привычной колеи.

Шагаю в ванную. Включаю ледяную воду и умываюсь. Струя бьёт в раковину, разлетается брызгами, попадает на рубашку.

Похуй.

Я не позволяю себе слабостей. Потому что слабость — это смерть. Ульяну я похоронил вместе с сердцем десять лет назад. С тех пор я жёстко контролирую себя, вытравил всё лишнее из души. Значение имеют только расчёт, только власть.

А эта... обычная проشمандовка. Просто шлюха, которая ещё не начала.

Выключаю воду. Капли стекают по подбородку, капают на пол.

— Закончу с Захаром, — говорю вслух, впиваясь пальцами в белый фарфор раковины, — выебу девку. И вытрясу из себя это наваждение.

Мой двойник в зеркале ехидно улыбается. Он не верит ни одному моему слову.

Глава 17

Аня

— Да что им нужно?! — водитель нервно метает взгляд по салону автобуса, скользит по лицам пассажиров и вдруг замирает на мне чуть дольше, чем на остальных.

Его взгляд впивается в меня. Мужчина уверен, что именно я являюсь причиной ситуации, в которой он оказался. Я понимаю это по его глазам, в которых плещется смешанная с досадой злоба. Возможно, водитель мысленно проклиная меня.

Из внедорожников выходят люди и идут к автобусу. В чёрных куртках и с лицами, которые не запоминаются, которые нельзя запоминать. И среди них — он. Мужчина со шрамом.

Я вжимаюсь в сиденье так сильно, что вот-вот провалюсь сквозь него. А стук моего сердца должен быть слышен даже на улице.

Мужчина со шрамом останавливается у передней двери. Резким жестом он приказывает водителю открыть её, но тот медлит, судорожно сжимая руль.

Тогда мужчина со шрамом неторопливо достаёт из-за спины пистолет и направляет его прямо в лоб водителю. С тихим шипением двери автобуса открываются. Пассажиры вздыхают, охают, кто-то возмущённо бормочет что-то себе под нос.

— Тихо все! — мужской голос режет воздух, произнося приказ, — и никто не пострадает.

Я съезжаю по сиденью вниз, почти сползаю на пол, и застываю, затаив дыхание. Молю бога о чуде.

Мужчина уверенно идёт по проходу и останавливается рядом со мной. В его глазах... Чёрт, я не знаю, что в его глазах! Это не злоба, не ненависть, не торжество. Снисхождение?

— Нашлась, — он протягивает мне руку.

— Пожалуйста... — прошу его, всхлипывая, — давайте, вы меня не найдёте.

Мужчина не отвечает. Вместо этого он хватается меня за руку и дёргает на себя, заставляя подняться.

— Не надо! — кричу я. — Помогите!

— Не шуми, красавица, — он говорит так, что слышу только я. — Пожалей людей. Мужчина ставит меня перед собой лицом к выходу и подталкивает вперёд.

— Выходи, Аня. Если повезёт, все обойдётся, — слышу за спиной.

Резко разворачиваюсь и натыкаюсь на его взгляд. Мужчина спокойно, почти равнодушно, разглядывает меня. Что он имеет ввиду? Почему так говорит?

— Выходи, — повторяет.

Опустив голову, бреду к выходу. У двери переглядываюсь с водителем. В его глазах — страх и жалость одновременно. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но мужчина со шрамом останавливает его, поднимая руку и выставляя её перед собой.

— Не вмешивайся. Не твоё дело.

Водитель молча отворачивается, избегая зрительного контакта со мной. Его пальцы крепче сжимают руль.

Выйдя из автобуса, застёгиваю куртку и набрасываю капюшон. Вокруг — темнота, разбавленная тусклым свечением звёзд на небе. Фары внедорожников режут глаза своим ярким светом.

Мужчина со шрамом подхватывает меня под руку.

— Давай, шустрее. Захар Иванович ждёт.

Озираюсь на автобус. Я всё вижу: водителя, который смотрит на меня через стекло; пассажиров, которые отвернулись и делают вид, что ничего не происходит; женщину с ребёнком, которая резко дёргает смотрящего на меня малыша за рукав, заставляя его отвернуться.

Никто не поможет. Никто не позвонит в полицию. Никто не расскажет обо мне.

Устраиваюсь в одном из внедорожников с видом человека, идущего на казнь. Мужчина со шрамом садится рядом со мной. Боится, что снова сбегу? Неуместный нервный смешок едва не вырывается из меня.

— Зря ты устроила пожар, красавица.

Машина несётся по трассе в обратную сторону. Туда, откуда я так глупо надеялась сбежать. Нельзя было садиться в автобус. Поезд, автостоп... Нет. Нужно было спрятаться в какой-нибудь деревне, переждать пару дней, а потом уехать автостопом. Или сразу пойти пешком на трассу и поймать попутку со столичными номерами — таких здесь много.

Ох, как же я не догадалась поступить так сразу... Закрываю лицо руками.

В салоне темно. Только фары встречных машин на секунду освещают лицо моего конвоира. Он не смотрит на меня. Сидит, уставившись вперёд, и курит, приоткрыв окно. А я не прошу закрыть. Мне всё равно. Мне уже плевать на холод, на боль, на страх.

Мы въезжаем в родной город. Машина сворачивает на знакомые улицы, но едет дальше, за город. Мимо проносятся редкие фонари, потом они исчезают совсем. Только темнота и узкая полоса дороги, которую выхватывают фары.

— Куда мы едем? — мой голос звучит чужим и хриплым.

Мужчина молчит, его взгляд прикован к дороге.

— Я спрашиваю, куда мы едем? — повторяю громче.

— Туда, где ты будешь думать, — отвечает он, не поворачиваясь. — Над своим поведением.

— Вы можете говорить нормально? Что я вам сделала? Я даже вашего имени не знаю. За что вы так со мной?

Он по-прежнему молчит.

— Ладно, — я выдыхаю. — Не хотите говорить — не надо. Но запомните.

Я поворачиваюсь к нему.

— Я всё равно сбегу. А потом я найду способ отомстить Вавилову, уничтожить его. И если вы будете с ним — вы тоже ответите.

Мужчина со шрамом медленно поворачивает голову. Он смотрит прямо в мои глаза. На секунду мне кажется, что я вижу в его взгляде удивление и уважение.

— Дерзкая. Но глупая. Умнее было бы молчать.

— А я не умная. Я живучая.

Мужчина отворачивается и полностью теряет ко мне интерес.

— А если бы так поступили с вашей женой, дочерью, сестрой? — я продолжаю пытаться задеть его. — У вас, наверное, нет никого. Поэтому и жалости нет.

Хочу вывести его из себя, пусть нервничает. Может так он сорвётся, совершит ошибку и даст мне шанс на побег.

— Слишком много болтаешь, красавица. Это будет для тебя уроком, — цедит сквозь зубы.

Я замолкаю. Похоже, я разозлила его. Что я могу сказать ещё? Всё бесполезно. Передо мной — непрошибаемая бетонная стена, построенная вечность назад и готовая стоять до скончания веков.

Внедорожник резко тормозит перед чёрными коваными воротами. Они открываются медленно, будто не хотят впускать нас. Машина едет по длинной аллее, в конце которой из темноты вырастает огромный двухэтажный дом.

Мы объезжаем особняк и останавливаемся позади него.

— Не чуди, — советует мне мужчина со шрамом, как только водитель глушит мотор, — сейчас не время.

Он выходит из машины и жестом приказывает мне сделать то же самое. Конечно же, я выполняю его приказ. Что ещё мне остаётся? Не подчинюсь — выволокут силой. Выбравшись наружу, спотыкаюсь и чуть не падаю, но удерживаю равновесие. Мужчина со шрамом реагирует мгновенно: его крепкая рука обхватывает мою талию.

— Под ноги смотри, красавица. Лечить тебя никто не будет.

Я отшатываюсь в сторону от очередного жестокого порыва ветра и передёргиваю плечами. Невольно взгляд цепляется за дом. В окнах горит свет. Там, наверное, живут люди. Там тепло, горит камин, пахнет едой. А меня ведут в другую сторону от него.

Впереди, в метрах пятидесяти от дома, замечаю кирпичное здание. Одноэтажное, без окон, с плоской крышей. Оно напоминает гараж. Или склад. Или что-то совсем другое — то, о чем не говорят вслух. Ноги начинают путаться между собой, а по позвоночнику проносится ледяная волна. Мужчина со шрамом тянет меня к двери в здание, не обращая внимания на мои попытки вырваться из захвата его сильных рук.

Дверь открывается внутрь, с протяжным скрипом, от которого по телу пробегает дрожь. Мужчина щёлкает выключателем за дверью, и вокруг нас разливается жёлтый свет. В эту же секунду я понимаю — люди не приходят сюда добровольно. Возможно, уже и не выходят отсюда. Об этом свидетельствуют капли замёрзшей крови на полу. Помещение совершенно пустое, только стул стоит в углу возле лестницы, ведущей вниз. В подвал.

И меня тянут туда.

Я упираюсь изо всех сил.

— Пожалуйста, — голос вибрирует от волнения. — Я же вижу, вы не такой, как он... Пожалуйста...

Лестница в подвал узкая, бетонная. С каждым шагом становится холоднее. Воздух тяжелеет, пахнет сыростью, плесенью, чем-то давно забытым.

— Сюда, — мужчина открывает тяжёлую железную дверь у основания лестницы.

Я переступаю порог.

— Телефон давай, — протягивает руку.

Достаю его из кармана и отдаю не глядя. Мне уже некому звонить. Антон бросил меня. Номер телефона профессора я не помню. Полиция не поможет. Так зачем мне этот кусок стекла и пластика?

— Не оставляйте меня здесь, я прошу вас. Помогите, — цепляюсь за мужскую руку, горячую и твёрдую.

Сама не знаю, почему решила, что он может помочь. Просто чувствую это. Мне кажется, я вижу сомнение в его глазах.

— Послушай меня, красавица. Веди себя тихо, не нарывайся. Я не помогу тебе. Ты собьёшь всю игру. Сейчас не до тебя. Потерпи.

Он на секунду задерживает взгляд на моём лице, и я замечаю, как его пальцы на мгновение сжимаются в кулак. Будто мужчина что-то решает для себя.

Я не понимаю смысла его слов, его поведение не понимаю. Мужчина слегка толкает меня вглубь подвала и закрывает дверь.

Густая, осязаемая темнота обволакивает меня, забирается под одежду, в дыхание, в мысли. Шаги мужчины удаляются, становятся всё тише, тише и наконец затихают совсем.

Я одна.

В темноте.

В подвале.

Стою посреди комнаты и слышу только, как где-то капает вода.

Осматриваюсь, но ничего не вижу. Сначала я моргаю, думая, что глаза привыкнут. И они привыкают. Но темнота не становится светлее. Я вытягиваю руки вперёд и делаю шаг. Второй. Третий.

Пальцы касаются холодной шершавой стены. По ней течёт вода, оставляя на коже мокрые следы. Иду вдоль стены. Провожу рукой, ощупывая каждый сантиметр.

Пусто.

Вторая стена. Третья. Четвёртая.

Дверь. Я нащупываю её. Холодный металл. Ручка с этой стороны гладкая, без замка. Я дёргаю. Бесполезно. Не открывается.

— Выпустите меня! — кричу, стучу кулаком по двери. — Пожалуйста!

Никто не отвечает.

Я отхожу от двери и продолжаю исследовать комнату. Медленно, шаг за шагом продолжаю передвигаться. Боюсь упасть, боюсь наткнуться на что-то острое, боюсь, что пол подо мной закончится, боюсь найти что-то нехорошее.

Ничего. Только бетонный пол, бетонные стены и железная дверь. Даже стула нет.

Холодно. Очень.

Сначала я не замечала этого. Некоторое время тело хранило тепло машины. Но теперь холод пробирается сквозь обувь, сквозь одежду, сквозь кожу, кости. Он везде. И снаружи, и внутри. Я обхватываю себя руками, тру плечи, тру бока. Прыгаю, приседаю, шагаю на месте, высоко поднимая колени. Но теплее не становится, только силы словно утекают. Очень хочется спать...

В дальнем угле опускаюсь на корточки. Обхватываю колени руками, вжимаю голову в плечи, пытаюсь сжаться в крошечный комочек, чтобы сохранить хоть немного тепла. Согреюсь всё равно не выходит, да ещё и ноги немеют, колени болят.

Пробую сесть на пол, но бетон обжигает холодом даже сквозь джинсы. Держусь минуту, две, пять... Встаю на колени, но становится ещё хуже. Снова приседаю на корточки.

Затем встаю и начинаю энергично топать ногами. Тело сдаётся, глаза слипаются, голова тяжелеет. Я дремлю стоя, прислонившись к влажной стене. В какой-то момент теряю равновесие и падаю на четвереньки. Колени больно ударяются о бетон, ладони скользят по влажному, липкому полу. Бок отзывается тупой, ноющей болью. Несколько секунд я стою в этой позе,

застыв без движения. Затем с усилием поднимаюсь, снова начинаю ходить туда-сюда, а после вновь сажусь на корточки. Так и тянется время.

Сколько его прошло? Час? Два? Может, десять?

— Пожалуйста, — шепчу в пустоту. — Господи, помоги мне, пожалуйста. Я знаю, ты существуешь, так помоги же.

Зубы начинают стучать. Я сжимаю их, пытаюсь унять эту дрожь. Снова встаю, прыгаю на месте, хожу кругами, растираю плечи и руки. Согреться невозможно. Можно только оттянуть тот момент, когда я опять сожмусь в углу, утыкаясь носом в колени.

Мысль о том, что я умру здесь, просто замёрзну насмерть, всё настойчивее вгрызается в мозг.

И когда мне кажется, что сил больше не осталось, я слышу шаги.

Глава 18

Аня

Дверь открывается резко. Свет фонаря безжалостно ударяет по глазам, вынуждая меня вскрикнуть и прикрыть лицо руками. Слишком ярко. Слишком невыносимо. Часто моргая, постепенно привыкаю. Сквозь слёзы и резь в глазах различаю очертания фигуры.

В метре от меня, засунув руки в карманы брюк, стоит Захар. За ним замерли ещё двое качков. Они пришли с ним или караулили меня у входа?

— Набегалась? — голос Захара ровный и жёсткий.

Не отвечаю. Не хочу разговаривать с ним. Да и зубы всё ещё стучат от холода, не позволяя внятно произносить слова.

— Ты сделала свой выбор, Аня, — продолжает мужчина. — Опозорила меня перед людьми. Уничтожила важные документы.

Он говорит спокойно, без крика, без истерик, даже без злобы. Царапины на его лице не уродуют, а напротив, делают его серьёзнее и опаснее.

— Подойди ко мне.

Я не двигаюсь, только зло сверлю его взглядом.

— Я сказал — подойди, — голос Вавилова становится ниже.

Как там говорят? Не буди лихо, пока оно тихо? Не нарываться?

Делаю шаг. Второй. А потом со мной происходит что-то непонятное, ярость охватывает всё моё тело, словно демон вселился.

— Да пошёл ты! — кричу ему в лицо.

Вернее, думаю, что кричу. Потому что из горла вырывается только хриплый, слабый звук.

— Убей меня, если хочешь. Мне всё равно. Я не буду твоей вещью.

Захар наблюдает за мной с интересом, как учёный наблюдает за реакцией подопытной крысы, которую подвергают новому тесту.

— Думаешь, ты смелая? — он наклоняет голову к плечу. — Думаешь, я тебя не сломаю?

Вавилов хрипло смеётся и делает шаг в мою сторону. Я отступаю назад, пока не упираюсь спиной в шершавую стену. Мужчина приближается, прижимает меня к бетону всем телом. Я чувствую его пряный запах. Его дыхание обжигает замёрзшую кожу на моём лице. Мужчина наклоняется к моему уху, почти касаясь его губами.

— Ты не хочешь быть моей вещью? — шепчет, сжимая мои плечи. — Не нравлюсь тебе, девочка?

Смотрю в одну точку у него за спиной, стараясь не видеть его лица, не чувствовать его близости.

— Что же, — Захар отстраняется, ловит мой взгляд, — сердцу не прикажешь, Аня. Значит, будешь общей. Вещью для всех.

Он отходит, достаёт сигарету и закуривает. Дым неприятно дерёт горло, заставляя сглотнуть, чтобы не подавиться воздухом.

— Я дам тебе возможность передумать, — мужчина выпускает дым прямо мне в лицо. — Завтра ко мне придут друзья. Я обещал им развлечение. Этим развлечением будешь ты.

Мои глаза распахиваются до невероятных размеров. Нет. Только не это. Пожалуйста, боже, только не это. Жадно хватаю воздух ртом, но это не помогает вздохнуть полной грудью.

— Понравишься моим гостям — станешь их, — продолжает он равнодушно. — А не понравишься... Ну, тогда ты им и не нужна будешь. А мне тем более. И дорога тебе тогда в бордель. Понимаешь?

Он делает затяжку и снова выпускает дым в мою сторону.

— Возможно, я передумаю и заберу тебя себе. Если хорошо попросишь меня. Всё зависит от тебя, Анечка. А потом я могу отпустить тебя. Скажем, через год. Если захочу. Это твоя задача сделать так, чтобы я захотел.

Ненавижу! Как же я его ненавижу!

— Вот только с братом твоим я добрым уже не буду. В ближайшее время его найдут и притащат ко мне. И тогда он ответит за то, что ты натворила. За каждый удар, за каждую царапину, за каждую сгоревшую бумагу.

— Сволочь! — замёрзшие губы едва шевелятся, выдавливая слово.

— Ты сама во всем виновата, девочка, — Захар тушит сигарету о стену. — Я тебя предупреждал. Мои приказы исполняют сразу или терпят наказание. Ты выбрала наказание. Теперь терпи.

Он разворачивается к выходу.

— Доброй ночи, Анечка, — бросает мне, не оглядываясь.

Дверь хлопает, и я снова остаюсь одна, погружившись в липкую тьму.

Я медленно сползаю по стене вниз. Пол ледяной, но это уже не имеет значения.

«Будешь общей. Вещью для всех».

Его слова оставили кровавые порезы в моем сознании. Наверное, это больно — быть общей. Я закрываю глаза, но в темноте они не отличаются от открытых. Там, за веками, тот же мрак, та же безысходность.

Я сижу на полу, прижав колени к груди. Спина опирается о стену.

— Пожалуйста, — шепчу в потолок. — Пусть это закончится. Как угодно. Пусть я умру. Пусть они убьют меня. Только не это. Пожалуйста. Не это. Я не выдержу. Я не смогу.

Голова безвольно опускается на колени.

— Бабушка, пожалуйста, заberi меня, — хнычу, голос срывается, становится детским и беспомощным. — Я боюсь.

И тут же зажимаю себе рот ладонью. Что я несу? Я хочу жить. Я буду жить. Они не сломают меня. Я найду выход.

За дверью снова раздаются шаги. Резкие и быстрые. Я вздрагиваю и поднимаю голову. Прислушиваюсь. Снова Захар? Что ещё он придумал?

Дверь распахивается, но свет не заполняет пространство. Лишь тусклый полумрак проникает с лестницы. В этом сумраке очертания расплываются, и я напрягаю зрение, пытаюсь разглядеть того, кто вошёл. В руках у него что-то громоздкое. Он ступает внутрь, и свет с лестницы становится ярче.

Мужчина со шрамом.

Один.

Он молча подходит ко мне. Наклоняется и кладёт на пол свою ношу, разворачивает, а моё сердце начинает биться чаще. Потому что я вижу, что он принёс. Это старый матрас с

толстым тёплым одеялом, сверху — пластиковая бутылка с водой и бумажный свёрток с чем-то вкусно пахнущим, от запаха которого слюна наполняет рот. Рядом со всем этим мужчина ставит оцинкованное ведро. Потом он выпрямляется и поворачивается ко мне.

Мы смотрим друг на друга. Я — снизу вверх, он — сверху вниз. Мужчина будто оценивает, сколько ещё я продержусь.

— Не сиди на полу, красавица, — говорит он тихо. Так тихо, что я едва слышу. — Задницу отморозишь.

Я медленно перебираюсь на матрас и забираюсь под одеяло.

— Вот так. Ложись спать. Завтра силы понадобятся.

— Зачем вы это делаете? — голос не слышится, хрипит. — Зачем помогаете?

Мужчина хмыкает, но не отвечает, шагает к двери.

— Ты ошиблась, красавица. У меня есть жена и две дочери.

Он говорит это, остановившись у самого порога, не оборачиваясь, и быстро выходит.

Я хватаю бутылку и жадно пью, а затем разворачиваю бумажный свёрток. В нём — два пирожка. С мясом. Ем быстро, почти не ощущая вкуса, словно боюсь, что сейчас ворвутся люди Захара и всё отберут у меня. Чувствую, как холод отступает, как мышцы расслабляются, как веки тяжелеют.

Нельзя спать. Нельзя.

Я замёрзну во сне. Или не проснусь. Или... Но тело не слушается. Оно требует отдыха, требует забыться.

Мне нужны силы, чтобы пережить завтрашний день. Чтобы не сломаться окончательно.

Я больше не побегу. От них не убежать. Но их можно переиграть. Я буду улыбаться Захару. Я буду делать вид, что ломаюсь. Я буду ждать, когда он мне поверит. А потом, когда он будет смотреть на меня как на покорную куклу, я всажу ему в горло нож или вилку, или осколок стакана.

И плевать, что потом могут убить меня. Я не сдамся и не умру на коленях.

Закрываю глаза и позволяю себе провалиться в сон без сна. В забытьё. В несколько часов передышки перед тем, что обещал Захар.

В полудрёме снова вижу его, того мужчину из номера. Интересно, как его зовут? Что он сейчас делает? Спит в своём номере? Уехал? Давно забыл меня?

А я не могу забыть. Его запах. Его голос. Его руки. Каждое его прикосновение, каждое слово болезненной вспышкой вырывается из памяти. Между ног горит. Я сжимаю бёдра, трусь ими друг о друга, но этого мало.

Так мало...

Зачем он мне? Не знаю. Но в этой тьме, когда Захар обещал сделать меня общей... Я хочу, чтобы тот мужчина пришёл за мной.

По-настоящему хочу.

Хотя это безумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.